

ДЖОШ
МАЛЕРМАН

СПАСТИ
КЭРОЛ

Джош Малерман Спасти Кэрл

Серия «Вселенная Стивена Кинга»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67026288

Джош Малерман. Спасти Кэрл: Издательство АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-133450-5

Аннотация

Люди, живущие в небольших городках и поселках вдоль Большой Дороги, знают множество историй, и в каждой из них непременно появляется тот самый безупречный герой, бретер и джентльмен, которому не страшен сам дьявол.

И в этот раз одному из таких героев, Джеймсу Мокси, придется вступить в бой сразу с тремя опасными противниками и спасти от смерти свою возлюбленную:

- с тем, кто приходит внезапно и оставляет по себе только трупы и пепел;
- с тем, что истекает быстрее воды и не оставляет ни выбора, ни надежды;
- с тем, кто не жив и не мертв, а потому не подвластен ни ножу, ни пуле.

Содержание

Похороны Джона Боуи	6
Воющий город	26
Подготовка к погребению. Полночь	40
Мокси и посыльный	63
Траурный прием	77
Смок	93
Кэрол в коме	102
Мокси на Большой дороге	109
Лафайетт инструктирует Дуайта	124
Свежая горячка	132
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Джош Малерман

Спасти Кэрол

Josh Malerman

UNBURY CAROL

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Nelson Literary Agency, LLC и Jenny Meyer Literary Agency, Inc.

© Josh Malerman, 2018

© Перевод. В. Миловидов, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

«Спасти Кэрол» – своего рода смесь спагетти-вестерна, «Спящей красавицы» братьев Гримм и, осмелюсь ли сказать, – фильма Квентина Тарантино. Читая, я постоянно представлял себе, как Тарантино оживил эту книгу.

Читатели «Птичьего короба» хвалят Малермана в

своих рецензиях за способность создавать напряжение и страх через незримое присутствие чего-то неизвестного. «Спасти Кэрол» – это глубоко гуманная история, в которой говорится о самом большом нашем страхе – страхе смерти.

Отзывы с [goodreads.com](https://www.goodreads.com)

* * *

Дереку, Райану, Рейчел и Кевину.

Похороны Джона Боуи

Большая дорога

Лето

Округа Укатанани и Мискалуса

Городок Хэрроуз, раскинувшийся у северной оконечности Большой дороги, наслаждался миром и покоем, которые были дарованы ему его удаленным местоположением. Вдобавок он считался самым богатым поселением из всех, что были разбросаны по двум округам, – и дома здесь были больше, и построены они были из роскошного камня, а иные насчитывали до десяти спален! Садики, прятавшиеся за домами, шириной не уступали самой Большой дороге, а крыши вздымались выше вершушек стоящих вдоль улицы ив. И ко всему этому Хэрроузу доставалось гораздо больше солнечного света, чем всем прочим городкам и поселениям в округе, – густые тени деревьев, достигавшие самой кромки полей, не затеняли фасадов. Залитый солнечными лучами, удаленный от дорожного шума и гама, богатый внутри и снаружи, Хэрроуз представлялся идеальным местом для жизни.

Но все достоинства городка не мешали его жителям умирать.

Джон Боуи убедился в этом на собственном опыте.

– Вот и он уходит, – сказала Кэрол Эверс. Она стояла под-

ле своего мужа, Дуайта Эверса, и смотрела в открытую могилу, где лежал ее друг Джон Боуи. В слезах, стоявших в глазах Кэрол, отражалось тело умершего. Гроба у Джона Боуи не было.

Один из тех, кого более других любили в Хэрроуз, Боуи был остроумцем и весельчаком и неизменно становился душой любой компании. Его искрящиеся весельем глаза задорно смотрели через толстые стекла очков, а неумеренный аппетит льстил хозяйкам, которые целый день стояли у плиты, готовя снедь для вечеринки.

Джон Боуи был отличным человеком.

Как говорится, человек-праздник.

Для Дуайта Эверса Джон Боуи, ближайший друг Кэрол, не представлял никакой опасности, поскольку был гомосексуалом. И именно своему другу – единственному человеку, за исключением мужа, – Кэрол рассказала о своей тайне. Раскрыть ее было непросто, и тем не менее Кэрол пошла на это как-то ясным вечером, сидя с Боуи на заднем крыльце их с Дуайтом дома.

Джон, как обычно, болтал о двух предметах, составлявших его живейший интерес, – о книгах и фокусах, когда Кэрол неожиданно встала со своего места и сказала:

– Я ведь уже умирала, Джон, и много раз.

Хотя Боуи и славился своим чувством юмора, это заявление он принял серьезно – в серых глазах Кэрол не было и искорки веселья.

– Расскажи мне все, – попросил он, не меняя своей излюбленной позы: сам сидит в кресле-качалке, а ноги покоятся на высоком табурете. Кэрол тоже нравилась эта его поза, почему, наверное, она и решила открыть Джону свою тайну.

– Расскажи мне про каждый из случаев!

И Кэрол рассказала обо всем, что помнила. У врачей, сказала она, не было слов для описания того, что с ней происходит. Кома? Можно сказать и так, но это не очень-то корректное выражение. Просто «состояние»? Поди-ка пойми. «Приступ»? Приступ длится недолго, а ее состояние могло тянуться днями и даже неделями. Она сама нашла подходящее слово – много лет назад. То место, куда Кэрол попадала во время своих приступов, она назвала *Воющий город*. Она сказала:

– Так я его назвала, когда мне было восемь. Наверное, это все из-за Большой дороги. Тут же у нас тоже города. Вот и у меня был город. Только без шерифа, без дощатых тротуаров, без банка и пабов. Вообще без всего. Но это действительно город, город на Большой дороге. Несмотря на то что я его единственный житель.

Кэрол замолчала, и Джон увидел на ее лице странное и вместе с тем столь знакомое выражение – Кэрол вспоминала юность, времена, когда дала имя своим приступам и впервые впала в отчаяние от факта своей обреченности.

Она продолжила:

– Для постороннего я как бы... умирала. Сердце билось едва-едва. Если к губам поднести зеркало – никакого эффек-

та. Пульс не прощупывался. Света там нет, Джон. Я слышу, что вокруг происходит, но не могу и пальцем пошевелить. И ветер... он все время *воет*. Воющий город. Это ужасно!

Она рассказала Джону, как в первый раз испугалась этого состояния полной изоляции и как потом ее мать, Хэтти, в таких случаях всегда старалась погромче шуметь в своей мастерской, чтобы не рвались связи Кэрол с реальным миром.

– Без Хэтти я бы сломалась. Сошла бы с ума.

Она рассказала Джону о хриплом дыхании, которое слышала в Воющем городе. Это была музыка города, хотя Хэтти сказала ей, что, вероятно, она просто слышала свое собственное дыхание. И еще Кэрол рассказала Джону о том, как это с ней происходит.

– Как только это начинается, я словно бы... *падаю*. Впадаю в кому и ничего не чувствую, пока не приду в себя.

Кэрол рассказывала, и Джон видел, как с каждым словом с ее плеч словно бы спадает тяжесть. Он знал, что о своих состояниях она не говорила никому, кроме Дуайта. Наверное, думал он, ее смущали эти приступы и она была убеждена: всякий, узнавший о ее коме, бежал бы от нее без оглядки, лишь бы не брать на себя груз этих сведений. Оказывается, кое-кто так и сделал – давным-давно. Джон выслушал Кэрол внимательнейшим образом и поделился своими мыслями. Пока он говорил, Кэрол поняла, почему она внезапно для самой себя решила открыть свою тайну другу. Она сделала это не только из соображений безопасности, хотя это,

вероятно, была главная причина: если Дуайт умрет, кто сможет сказать, что у Кэрол приступ, что она пребывает в состоянии комы? Кто будет знать, что она жива?

Нет, рассказывая о своей тайне Джоню, она еще хотела услышать, что он об этом думает. А Джон мог многое сказать. Сколь темным был Воющий город, столь же светлым был ум Джона Боуи.

И вот Джон Боуи мертв. И лежит босой, в сером костюме, на неровном дне могилы, а Кэрол в своих желтых туфлях стоит над ее краем. Джон болел и знал, что смерть не за горами, а потому сам попросил, чтобы его хоронили без гроба. Кэрол проследила, чтобы последняя воля ее друга – натуралиста и пантеиста – была должным образом исполнена и он был предоставлен земле так, как того пожелал.

Прямо в землю, без лишних оболочек.

– Похоже, словно он... просто упал в могилу, – прошептал Дуайт на ухо жене, стоящей с ним плечо к плечу. Желтое платье Кэрол билось на ветру, который, казалось, даже не касался черного костюма Дуайта.

– Именно так он и хотел, – прошептала в ответ Кэрол. Если судить по голосу, сегодня она была гораздо старше своих тридцати восьми лет.

Распорядитель похорон Роберт Мандерс взгромоздился на подиум в голове могилы и рассказывал скорбящим то, что они знали и без него.

– Светлый ум, – перечислял Мандерс достоинства почив-

шего, – энтузиаст, которого отличала страсть к знаниям во всех сферах науки...

Кэрол думала о тех фокусах, которые Джон исполнял на вечеринках. Оливки у него исчезали неведомо куда. Из ушей изрядно подпивших дам он извлекал сливы. Кэрол попыталась улыбнуться, но не смогла.

– В конечном итоге, – прошептал Дуайт, – фокусы не спасают никого.

– Что?

– Все это очень грустно, – ответил Дуайт. – Только и всего...

– Между вами так же много общего, как между мной и каким-нибудь дамским угодником, – сказал как-то Джон, когда Дуайта не было поблизости. – Мне кажется, он женился на тебе из-за твоих денег.

Но Кэрол шутка не понравилась, о чем она не преминула заявить.

Дуайт приветливо кивнул своей знакомой, Лафайетт, стоявшей по ту сторону могилы. Кэрол перехватила этот знак внимания. Из всех деловых партнеров, с которыми так или иначе был связан Дуайт, эта Лафайетт нравилась ей меньше всех. Ее живот гордо нависал над черным кожаным поясом, испытывая на прочность серебряные пуговицы на белой шерстяной блузке. Кладбищенский ветер играл с ее длинным «конским хвостом», разбрасывая волосы по изборожденному глубокими морщинами лицу. Кэрол эта женщина

всегда казалась ведьмой, и она с трудом могла представить, чтобы Джон Боуи, такой чудесный, лежавший теперь босым в сырой могиле, мог в жизни хоть словом переброситься с этой напыщенной ханжой.

Не исключено, что отсутствие гроба заставило консервативно мыслящего Мандерса побыстрее свернуть погребальную речь. Да, собственно, и сам Боуи свернул свою жизнь несколько более поспешно, чем ожидала Кэрол. С Болезнью не шутят. Хотя Кэрол, столько раз уже умиравшая, страшилась Болезни и смерти меньше, чем все остальные.

– Черт бы их всех побрал! – прошипел Дуайт. – Это невыносимо.

Кэрол, едва не касаясь губами уха мужа, прошептала:
– Заткнись, Дуайт!

У Дуайта с Джоном было так же мало общего, как и у этой ведьмы, Лафайетт. Обычно это страшно удручало Кэрол. Как это ее угораздило выйти замуж за человека, который ни в грош не ставит блеск и очарование ее любимого друга? Почему Дуайт никогда не смеялся шуткам Джона? Почему...

Но сегодня предметом ее горя был не Дуайт.

Хотя, стоило это признать, согласия между ними не было.
– Это потому, что он, в отличие от меня, ничем не интересуется и не задает вопросов, – сказал однажды Джон. Кэрол как будто наяву слышала голос Боуи. – Но у него множество других достоинств, пусть и скрытых.

Джон всегда шутил. Но, что было куда важнее, он застав-

лял Кэрол смеяться.

Кэрол посмотрела на губы Джона – как раз в тот момент, когда могильщики Лукас и Хэнк принялись лопатами бросать землю на его грудь и лицо. Затем своим внутренним слухом Кэрол услышала слова, которые Джон никогда не говорил и которые он наверняка произнес бы сейчас, если бы мог.

– Кому еще вы расскажете? – сказал бы Джон. – Кто-то обязательно должен знать. А что, если вы впадете в кому прямо сейчас, а Дуайт умрет, пока вы там будете находиться? Обязательно нужна страховка. Безопасность прежде всего. Меня больше нет. Сделайте так, чтобы мой дух и дух вашей матери были спокойны. Расскажите кому-нибудь еще.

– Нужно еще кому-нибудь рассказать, – неожиданно прошептала Кэрол. Дуайт повернулся к ней.

– Рассказать что? – спросил он.

Мандерс закрыл свою записную книжку, Лукас и Хэнк уже почти засыпали могилу, а Кэрол стояла и повторяла:

– Нужно рассказать кому-нибудь еще...

– Идем, дорогая, – сказал Дуайт, потянув ее за локоть в сторону, куда уже отправились остальные участники церемонии. – Обсудим это дома.

Только вот понял ли Дуайт, что она имела в виду? Кэрол была не уверена. Ну не может же он быть таким тупым! Ее мать, Хэтти, сразу бы сообразила и немедленно принялась бы разрабатывать детали плана «Б». И Джон бы сообразил.

Дуайт раскланялся с Лафайетт и повел Кэрол прочь от

свежей могилы.

– Ну, что у тебя? – спросил он.

Кэрол двинулась к их экипажу.

– Что у тебя? – повторил Дуайт.

– Что у меня? У меня умер лучший друг. Только и всего.

– Поверь, я разделяю твои чувства, – отозвался Дуайт, догоняя ее.

Хотя Кэрол было и неприятно в этом признаться, но в отношении Дуайта Джон редко ошибался. А недавно ее муж вообще изменился. Десять, пять, даже три года назад Дуайт держал ее за руку, свободной рукой обняв за плечи, и готов был обсуждать с ней любую тему, которой она интересовалась.

Джон Боуи умер. Кто-то другой должен узнать о Воющем городе.

Хотя для Кэрол Эверс было невероятно тяжело рассказать об этом кому-то еще.

Когда-то она уже обожглась...

Сидя в экипаже, она открылась Дуайту, и обсуждение началось.

– Теперь никто, кроме тебя, ничего не знает, – сказала она, и страх оказаться беззащитной заглушил на время неизбывную печаль по умершему Джону.

– Не знает чего, дорогая? – спросил Дуайт с видом волчонка, отбившегося от стаи.

– Я говорю о своих *состояниях*. О коме. О приступах.

Дуайт кивнул, но Кэрол не смогла определить, что означал этот кивок.

– Никто теперь о них не знает, – сказал он.

– Кто-нибудь, кроме тебя, должен быть осведомлен. Если этого не будет... есть риск, что со мной поступят не так, как нужно.

Дуайт расхохотался.

Ошеломленная, Кэрол выпрямилась на своем сиденье.

– Тебе смешно?

– Как же не смеяться, Кэрол? Сама подумай, какова вероятность того, что ты немедленно впадешь в кому, а я, не дожидаясь твоего возвращения, отдам концы?

Он произнес это так беспечно, что Кэрол стало немного стыдно за то, что она разозлилась. И тем не менее...

– Если Хэтти меня чему-то и научила, так это не терять время в подобных случаях. Мы просто обязаны кому-то все рассказать. Когда я впадаю в кому, врач не способен даже пульс определить. И, черт побери, Дуайт, ты должен был сам завести этот разговор!

– Прости, Кэрол! Кому бы ты хотела рассказать?

Кэрол услышала отдаленное эхо хриплого дыхания. А, может быть, это просто дышат лошади, везущие их домой?

– Фарре.

– Горничной?

– Да.

Дуайт, подумав мгновение, произнес:

– Не думаю, что это подходящий вариант. Фарра болтушка.

– Ну и что?

– Но ты ведь держишь это в тайне, верно? Я просто думаю о тебе.

Но он не думал о ней, и Кэрол знала это.

– Фарра – самый лучший вариант, – сказала она. – Фарра умная и добрая. И она нам ближе всех.

– Но у нее же муж пьяница. Этот Клайд. Как зальет zenки, так и пойдет чесать языком. Все же все узнают.

– Ну что ж, – покачала головой Кэрол. – Как получится. Узнают, так узнают.

– А ты... уверена, что хочешь этого?

– Да.

И Кэрол вновь подумала о Джоне Боуи. Если Хэтти считала, что ее тайну нужно от всех скрывать (*они воспользуются твоим положением, эти гнусные люди с Большой дороги*), то Джон, напротив, советовал открыться всем (*в конце концов, люди добрее, чем мы думаем, Кэрол; даже те, кто убедил нас в обратном*).

– Да, совершенно уверена, – повторила Кэрол.

Но Дуайт понимал, что это не так. Совсем недавно у нее было совершенно противоположное мнение.

Экипаж катился по каменной мостовой, и, помолчав, Дуайт изменил выражение лица, приняв более серьезную мину. Он положил свою руку на руку Кэрол.

– Ты что-то чувствуешь?

Кэрол уже поостыла. В конце концов, Дуайт действительно беспокоится о ней!

– Я не знаю, – покачала она головой.

Некоторое время они ехали молча. В чем они никогда не могли прийти к общему мнению, так это причина ее состояний. Дуайт был твердо уверен, что Кэрол впадает в кому после сильных волнений; Кэрол же считала, что это не так.

Да, с ней действительно произошло такое сразу после смерти Хэтти; но бывало, что приступ случался и тогда, когда жизнь тешила и баловала ее.

Дома, что было совершенно естественно, разговор возобновился.

– Расскажешь ей сегодня вечером, в саду? Во время прогулки?

Дуайт снял пальто и повесил в шкаф, стоящий в холле. Кэрол, скрестив руки на груди, смотрела на зажженные свечи, огонь которых отражался в ее глазах, наполненных слезами.

– Давай сделаем так, – предложила она. – Если я сама не успею сообщить Фарре о своих проблемах до следующего приступа, ты сделаешь это.

Как будто, если горничной о состоянии Кэрол расскажет Дуайт, что-то изменится. Хотя, возможно, и изменится.

– Ты просто приведешь ее в спальню и меня покажешь. Пусть пощупает мне пульс, чтобы убедиться, насколько я...

мертва. И все-таки еще живу.

Дуайт кивнул. Как это похоже на Кэрол. Вечно во всем сомневается.

– Обещаю, – сказал он. А интересно, слышала ли Кэрол смешок в его голосе?

– Когда это произойдет в следующий раз, все расскажи Фарре.

– Обещаю.

И тут Кэрол заметила, что входная дверь за спиной Дуайта пошла рябью. Небольшая волна прокатилась по ней снизу вверх.

И она слышала хриплое дыхание Воющего города.

Рябь не обязательно предполагала кому. Но кома никогда не приходила без ряби.

– Может быть, отдохнешь сегодня? – предложил Дуайт. – И не пойдешь в сад?

Его лицо выражало искреннюю озабоченность. Кэрол подошла к мужу и поцеловала его в лоб.

– Совершенно не обязательно, что все случится именно так, как ты думаешь, – сказала она и тронула кончиком пальца его переносицу. – Нужно быть более гибким.

Дуайт улыбнулся:

– Я просто беспокоюсь о тебе, дорогая.

Кэрол повернулась и вышла в гостиную. Там была Фарра.

– Мне очень жаль, что умер ваш друг, – сказала горничная.

Кэрол поняла, что Фарра слышала кое-что из того, что они с Дуайтом обсуждали в холле – горничная, не занятая какой-либо видимой работой, стояла посреди гостиной, и ни одна прядь каштановых волос не выбилась из-под ее косынки.

Но что она слышала?

– Идем на прогулку, – сказала Кэрол, и в голосе ее зазвучала печаль. – Свежий воздух полезен в любом случае.

Небо снаружи уже потемнело, но было еще достаточно светло, чтобы разглядеть садовые дорожки, выющиеся сквозь заросли многолетних кустов, а также купы отягощенных фруктами деревьев, росших в поместье Эверсов. Кэрол особенно любила это время. Как ни прекрасны цветы под лучами солнца, чувствуется особая прелесть в природе, когда миром завладевает непогода.

А непогода, как это виделось Кэрол, приближалась.

– Кэрол, – робко произнесла Фарра, и Кэрол понимала, что хочет сказать девушка. – Я должна признаться, что слышала часть вашего разговора с мистером Эверсом.

– Да? И что же ты слышала?

Как было бы здорово, если бы оказалось, что Фарра уже все знает. Хотя – нет! Пока нельзя!

– Всего несколько слов, – произнесла с глубоким вздохом горничная. – Я слышала, что вы должны мне сообщить... нечто очень важное.

Кэрол внимательно посмотрела в лицо девушки. Карие

глаза горничной смотрели молодо и удивленно.

– Да, – сказала Кэрол. – Но, может быть, не теперь. Пойдем гулять.

И тут она вновь увидела рябь перед глазами, на сей раз более явственно и в нескольких дюймах от лица.

– Кэрол? – позвала Фарра.

– Я немного странно себя чувствую, – сказала Кэрол, когда они дошли до основания лестницы, ведущей из дома в сад.

– Может быть, мы вернемся в дом, если вам нехорошо?

Кэрол покачала головой.

– Ничего страшного, – сказала она. – Это из-за похорон.

Грустно – вот и все.

Фарра посмотрела в лицо хозяйке, и Кэрол почувствовала ее взгляд. Девушка была премиленькая – настоящее пирожное с орехами, как говаривала Кэрол; к тому же надежная, на нее можно было положиться. Кэрол взвешивала все за и против: может быть, настала пора все ей рассказать?

Хотя нет, не теперь. Кэрол разглядывала цветы и кустарник, напряженно ожидая, не появится ли вновь эта рябь? Да, Фарре следует все рассказать, хотя это совсем не просто.

Однажды она уже обожглась.

Пора было менять тему.

– Как там Клайд? – спросила Кэрол все тем же печальным голосом.

Фарре еще не исполнилось двадцати, но ее личная жизнь

была гораздо более бурной, чем жизнь Кэрол. С легкой грустью последняя подумала, что самые взрывные моменты ее любовной биографии уже позади. Долгие споры до утра, любовь, о которой прежде и подумать было страшно, взлеты, падения, неосторожно брошенные слова, решения, последствия которых никто не брал в расчет.

Фарра же говорила о своих проблемах с такой милой убежденностью в том, что ее беда должна стать бедой для всего мира, что ее решения касаются всего человечества, а разочарование способно привести ко всемирному кровопролитию, пусть и воображаемому. Кэрол не без удовольствия слушала горничную, считавшую, что весь мир – в огне, что каждая волна – страшный убийца, а очередное полнолуние непременно ввергнет все население Земли в безумие.

Джону тоже нравилась в горничной эта ее черта.

– А что Клайд? – переспросила Фарра. – Клайд есть Клайд.

Вдруг волна ряби пробежала по земле у самых ног Кэрол. Она едва не охнула. На мгновение ей показалось, что кончики ее туфель оказались под водой.

– Может быть, нам стоит вернуться? – озабоченным тоном спросила Фарра.

И здесь нахлынула вторая волна – гораздо выше первой.

Кэрол запнулась и схватилась за плечо Фарры.

– Все-таки вам пора домой, – сказала Фарра, и случайно услышанные в гостинной слова эхом отдались в ее сознании.

Она взяла Кэрол под руку и повела ее к дому.

– Знаешь, – пытаюсь разрядить обстановку, начала Кэрол, обеспокоенная испуганным выражением на лице горничной. – Когда мне было столько же, сколько теперь тебе, у меня тоже бывали *моменты*, как и у тебя с Клайдом.

– Вот как? – отозвалась Фарра, обрадованная тем, что, несмотря на тяжелое дыхание, ее хозяйка продолжает вести с ней беседу. – Расскажите!

– Ты слышала про... Джеймса Мокси?

– Про человека, поставившего себя вне закона? Преступника? Да, но...

– Про него, – грустно кивнула Кэрол. – Но он не преступник. Он – человек Большой дороги и сильнее всего на свете любит волю.

Фарра остановилась и повернулась к Кэрол. Глаза и рот на ее мгновенно вспыхнувшем лице удивленно округлились. Да, день выдался печальный, но новость – из разряда ошеломляющих.

– Вы целовались с *таким человеком*, Кэрол? – шепотом произнесла она.

– Во времена нашего с ним знакомства он ничем не отличался от прочих молодых людей. Лишь потом он сбежал на Большую дорогу. Он первым познакомился с Хэтти.

– Что?

– И как-то вечером пришел к нам домой.

– *Что?* Джеймс Мокси был у вас в доме?

Кэрол отвернулась. Разговор о Джеймсе Мокси напомнил ей о том, что было для нее наполнено серьезным смыслом.

Кое-кто, кроме мужа, знал о ее состояниях.

Кое-кто, кто сбежал от нее двадцать лет назад, будучи неспособным взвалить на себя ношу заботы, испугавшийся груза ответственности за женщину, которая слишком часто умирала.

– Об этом знает еще кое-кто, – сказала Кэрол вслух. Конечно, Фарра ее слышала.

– Кто-то знает *что*, Кэрол? – спросила горничная.

Кэрол покачала головой, отгоняя открывшуюся ей правду. Может быть, таким образом она откладывала ее на более поздний срок?

– Да, между нами кое-что было. Правда, недолго. Мне кажется, он сейчас в Макатуне, хотя я и не уверена.

– Вы хотите сказать, что вы не просто целовались?

– Вот ведь какая любопытная! – усмехнулась Кэрол. – Я не о том, хотя, конечно, кое-что было.

– И что же?

Но Кэрол, покачав головой, заставила Фарру прекратить допрос. Они уже вышли на газон перед домом.

– Когда-нибудь, – с улыбкой произнесла Фарра, – когда вы будете себя получше чувствовать, вы расскажете мне эту историю во всех подробностях. Уж я вас выслушаю! Еще как выслушаю!

Кэрол улыбнулась, но никакие улыбки не способны были

скрыть ее печаль по ушедшему Джону Боуи.

– О, простите, Кэрол!

Кэрол отворила скрипнувшую дверь, и они вошли. Бросив взгляд на сад и дорожки, выющиеся между кустами, она закрыла дверь и посмотрела на горничную.

– Фарра, – сказала она, – я хотела кое-что тебе рассказать.

Она стояла в дверном проеме, по-прежнему не глядя на Фарру.

– Что? – спросила та.

Не поворачиваясь к ней, Кэрол произнесла:

– Со мной кое-что происходит. Приступы. Это не болезнь, а некое состояние, подобное коме. Не так уж и часто, но, когда это происходит, я не способна сопротивляться.

И, пока фраза исторгалась из ее уст, Кэрол воочию увидела *это*.

Горизонт взлетел и упал, а вслед за ним – сад и простиравшиеся по ту сторону забора леса.

Кэрол, пытаясь справиться с нахлынувшей на нее волной, ухватила за дверной косяк.

Волна качнулась в ее сторону.

– Кэрол?

Деревья и кусты в саду задрожали, пчелы попадали в траву. Даже статуи, стоящие в саду тут и там, задвигались, яростно топая ногами по земле.

– Кэрол!

Волна накатила на ее ноги, поглотила туфли, поползла

вверх по одежде.

– Черт побери, Фарра! Оно пришло! Эта рябь...

И Кэрол упала. Крик Фарры был последним, что Кэрол Эверс услышала на пути в Воющий город.

Воющий город

Падаю...

Падаю...

Падаю...

Ветер подхватил ее и бросил в непроглядную темноту.

Кэрол сохранила в памяти живую картинку – порог двери, ведущей в сад, ударил ее, после чего – ощущение падения. Она хорошо помнила это ощущение. Когда она была маленькой девочкой, именно оно пугало ее больше всего. Теперь же она старалась следовать совету матери, который та дала тридцать лет назад.

– Представь, что ты летишь, – говорила Хэтти. – Это же приятно, верно? Не то что падение.

Джон Боуи выдал более абстрактную сентенцию:

– Если принять падение за нечто нормальное, оно в самом себе обретет опору.

Но, говоря это, он был пьян. И он никогда не был в Воющем городе.

Все напрасно, – подумала Кэрол, – Воющий город похож на смерть, а смерть напоминает Воющий город.

Ощущение падения, как это бывало всегда, продлится ровно до момента пробуждения. Именно тогда ноги ее нащупают твердую почву, глаза откроются, сердце станет биться в обычном ритме, уста разомкнутся, и она сможет говорить.

Но до этого пройдет немало времени.

Дуайт – единственный, кто знает...

В этом состоянии слова и мысли неразличимы. Мысли звучат так же громко, как голоса. Но последняя мысль не вполне соответствовала действительности. Джеймс Мокси тоже знал о состояниях Кэрол. Именно поэтому он тогда убеждал от нее. Хотя что проку от того, что ему все известно? Как этот человек, оставшийся в ее прошлом, узнает, что она в беде – если она действительно в беде?

Перестань беспокоиться, прошу тебя. Через несколько дней все закончится. Как обычно.

Кэрол слышала звук затрудненного дыхания, хриплого, с посвистом. По словам Хэтти – ее собственного дыхания. Весь сегодняшний день этот звук – как бы издалека – сопровождал ее. Теперь он вырос, укрепился, определенно став насыщенным. Это как с черным цветом; он гораздо более черен, чем память о нем, – словно ребенок взял лист бумаги и закрасил его, не оставив ни единого свободного пятнышка.

Черным...

Кэрол вспомнила выражение лица Фарры в тот момент, когда ее настигла первая волна ряби, – предчувствие тайны, которой с ней вот-вот поделятся, было написано на лице горничной. За то время, пока Фарра работала у Эверсов, Кэрол впадала в кому дважды, и каждый раз Дуайт устраивал так, что никто не мог входить в спальню к заболевшей хозяйке. Но, каким бы хорошим человеком в глазах прислуги Дуайт

ни был, людей смущало то, что он не приглашал к жене доктора. И у Фарры, и у всех прочих, кто работал в доме, возникали вопросы относительно того, что не так с Кэрол Эверс. И нигде мельницы сплетен и слухов не работали так яростно, как в садах и кухнях домов, где они жили со своими семьями.

Хриплое дыхание ни на миг не стихало, и Кэрол подумала о Джоне Боуи – как будто он, умерший, имел доступ к Кэрол, впавшей в кому. И она – она словно слышала, как его безжизненные легкие продолжают поставлять кислород к давно остывшему телу.

Джон!

Джон приложил немало сил, придумывая, за что впавшая в кому Кэрол могла бы ухватиться во время своего падения.

– Когда падаешь, – говорил он, – протяни вперед руки. Если почувствуешь, как кончики пальцев чего-то касаются, старайся за это зацепиться.

Идея кажется чудесной, но только тогда, когда ей внимаешь в гостиной, за сытным ужином да за сладкими напитками. А вот когда ты *падаешь*, то совсем другое дело. Кэрол в состоянии комы не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Единственное движение, которое было ей доступно, – само падение.

Сквозь ледяной ветер.

И все-таки Кэрол пыталась. Образ порога все еще жил в ее памяти и стоял перед глазами.

Звук дыхания не ослабевал – медленное ритмичное роко-
тание, напоминающее хрипы, вырывавшиеся когда-то из лег-
ких ее деда! А между вдохами и выдохами Кэрол различала
звучавшие в отдалении знакомые голоса – это Дуайт разго-
варивал с Фаррой.

Когда Кэрол впадала в кому, до нее все-таки доносились
звуки внешнего мира. Но это была ненадежная и нестабиль-
ная версия внешнего мира, словно индивидуальные интона-
ции и тембр голосов, как и стоявшие за ними эмоциональ-
ные ряды, были многократно усилены.

Кэрол решила, что Дуайт открывает Фарре их семейную
тайну. Успокаивает девушку.

Но внезапно, по мере того как интонации стали яснее и
четче, Кэрол поняла, что Дуайт говорит точно так же, как
и люди, собравшиеся утром на похороны Джона Боуи, так,
словно Кэрол на этот раз действительно умерла.

Падаю...

Падаю...

Падаю...

Кэрол старалась прислушаться, но вой ветра, сопровож-
давшего ее падение, заглушал звуки, долетавшие снаружи.

Во время приступов Хэтти пыталась каким-то образом
помочь Кэрол различать звуки – приблизив к ее ушам сло-
женные в несколько раз газетные листы, она шуршала ими,
призывая напрячься и попытаться услышать то, что происхо-
дит в других комнатах дома. Поначалу восьмилетняя девоч-

ка не понимала, чего хочет от нее мать, но однажды сквозь шуршание бумаги она отчетливо услышала голос соседа, который звал свою собаку, и поняла, что нужно делать.

Прошло тридцать лет, и Кэрол убедилась, что во время падения даже предельная концентрация внимания не всегда помогает ей проникнуть сквозь вой ветра к звукам обычной человеческой жизни. Но иногда это получалось.

Джон Боуи был восхищен и немало взволнован тем, что Кэрол во время комы была способна слышать. Как только она поделилась с ним своей тайной, Джон уже не отходил от ее постели – разговаривал, читал ей, шутил. Дуайту это совсем не нравилось – он говорил, что Кэрол, когда она проваливалась в это состояние транса, похожего на смерть, нужен покой и только покой. Но Кэрол нравился певучий голос Джона, когда тот прорывался через темноту болезни к ее сознанию. Джон даже показывал фокусы, которые Кэрол, естественно, видеть не могла.

Как же ей сейчас не хватало этого голоса! Как не хватало слов этого чудесного человека!

Джона не было. Зато был Дуайт.

– Нужно перенести ее наверх, – сказал он.

Кэрол представила, как он встал на колени перед ее телом, лежащим на пороге.

– Может быть, позвать врача? – спросила Фарра, и в голосе ее зазвучало отчаяние.

– Нет, – ответил Дуайт.

Кэрол ждала: вот сейчас он расскажет горничной о ее проблеме. Все объяснит. Но то, что услышала Кэрол из уст Дуайта, превратило ветер, воющий вокруг нее, в толстый панцирь льда.

– Она умерла, Фарра.

Эти слова показались Кэрол такими неправильными, такими неуместными, что она подумала, что не так расслышала. В конце концов, все ли слова она различала верно, когда мать шуршала возле ее уха газетами?

– Умерла? – переспросила Фарра, и это слово громом взорвалось в сознании Кэрол.

– А есть ли какая разница, – размышлял как-то Джон, устроившись на крыльце в кресле-качалке, – между Воющим городом и смертью? А если есть, как мы о ней узнаем?

Кэрол постаралась сохранить спокойствие. Должно быть, она не расслышала, что сказал Дуайт. Наверняка не расслышала!

– Возможно, это именно то место, куда мы все стремимся, – говорил Джон. – Каждый из нас хочет куда-нибудь бежать. Ты получила свой шанс.

Вот теперь говорит Дуайт:

– Ужасно, но это так.

– Она собиралась мне что-то сказать, – произнесла Фарра дрожащим голосом.

Оба – и Дуайт, и Фарра – тяжело дышали, из чего Кэрол поняла, что ее несут. Вот они уже на середине лестницы.

Поднимаются вверх. Кэрол же продолжала падение – все ниже и ниже.

– Что она тебе сказала? – спросил Дуайт горничную, и в голосе его зазвенела сталь.

– Приходилось ли тебе читать о телекинезе? – как-то раз, давно, спросил ее Джон, и голос его пронзил темноту, воцарившуюся в сознании Кэрол. Старый вопрос. – В твоём состоянии обычные законы не работают. Не знакомому с тобою человеку ты кажешься умершей, хотя ты жива. И, может быть, там, внутри, ты способна делать то, что тебе недоступно здесь? Ну, например, усилием воли двигать предметы?

В отчаянии, все еще не веря в то, что правильно расслышала слова Дуайта, Кэрол захотела проверить гипотезу, которую высказал Джон. Если бы она смогла подвинуть какой-нибудь предмет! Любой! И доказать Дуайту, что она жива.

– Она почти ничего не успела мне сказать, – пролепетала Фарра, и Кэрол поняла, что они с Дуайтом стоят по разные стороны кровати, на которую они ее положили. Голоса звучали так, что по их тону можно было определить размеры спальни, к тому же одеяла и подушки приглушали звуки эха, распространявшиеся по всему пространству Воющего города.

Падаю...

Падаю...

Падаю...

– И все-таки, что она успела сказать?

Интонация Дуайта несла в себе больше смысла, чем произнесенные им слова. Он явно боялся, что Фарра знает больше, чем ей положено знать.

Если бы Кэрол могла двигаться и говорить, она замотала бы головой и закричала: *Скажи ей, Дуайт! СКАЖИ ЕЙ, ЧТО Я ЖИВА!*

Но увы, она ни губ не могла разомкнуть, ни на помощь позвать.

– Она сказала...

Ну же, Дуайт!

Внезапная ледяная волна дала Кэрол почувствовать, что она попала в места, куда еще никогда не попадала во время прошлых приступов.

Страх не раз посещал ее в Воющем городе, но то, что она ощутила теперь, нельзя было назвать иначе, кроме как ужасом.

– Она сказала, что чувствует себя странно, – наконец вымолвила Фарра.

Страх, звучащий в голосе Фарры, многократно усиленный комой, оглушал Кэрол.

– Кроме того, мистер Эверс, она что-то говорила про *рябь*. Она...

– Она так это назвала?

– Назвала что?

– *Рябь*, Фарра! Она произнесла это слово?

Кэрол изо всех сил, сквозь вой ветра и шуршание газет, прислушивалась к разговору.

– Да, произнесла. И сказала, что хочет со мной поговорить. Мистер Эверс... Она что, действительно умерла?

Хриплый вдох.

– Да. Она умерла.

Хриплый выдох.

Затем ветер засвистел с удвоенной силой, словно Кэрол ускорила в своем падении.

– Очень важно, чтобы ты мне рассказала все, что знаешь, Фарра.

Теперь голос Дуайта звучал спокойнее и тише, чем несколько мгновений до этого. Кэрол без труда представила себе выражение лица, с которым муж это произнес. Такое выражение появлялось на его физиономии всегда, когда он пытался выудить какие-нибудь сведения у человека, которого считал глупее себя.

Но Фарра не ответила.

В спальне повисла тишина.

Кэрол вслушивалась, но ничего не слышала.

– Фарра! – едва не прокричал Дуайт.

Глухой стук. Что-то тяжелое упало на пол.

А затем, как это, слава богу, случалось иногда в состоянии комы, Кэрол по следующим словам Дуайта без труда поняла, что произошло в мире, который она только что оставила.

– Потеряла сознание! – воскликнул Дуайт, явно не пове-

рив в случившееся. – Горничная потеряла сознание!

Дыхание Дуайта стало громче, он оказался совсем близко! Неужели сейчас заплачет? Но Дуайт дышал шумно и ровно. Вот оно что! Он вновь ее несет.

Каждый шаг Дуайта отдавался стуком подошв по твердой поверхности. Вот он добрался до первого этажа. Затем оказался в кухне – судя по звукам эха, так и было.

Дуайт что-то проворчал, и Кэрол услышала, что он открывает дверь. Кэрол поверить не могла в то, что происходит. И тем не менее это было правдой.

Дуайт нес ее в подвал.

Застоявшийся воздух подвальной лестницы коснулся ее ноздрей – тяжелый запах хранящихся в подвале овощей. Подвал в их доме использовался в основном для складирования вещей, вышедших из употребления – чемоданы, которые когда-то, очень давно, видели Большую дорогу, платья, потерявшие былой вид, костюмы, в которые Дуайт уже не помещался.

Помогите!

Как она хотела закричать! Но не могла.

Он меня прячет, – подумала Кэрол, вспоминая тот спор, что они с Дуайтом вели утром. – *Он что, делает это для моей безопасности? Не переигрывает ли он?*

Мне не кажется, что он старается ради вас, дорогая! – Это был голос Джона. – *По-моему, он делает это ради себя.*

Звук шагов стал другим. Теперь под ногами Дуайта был не

цементный пол подвала, а гравий. Так, это убежище, устроенное в доме на случай всевозможных природных катаклизмов.

Здесь был установлен массивный каменный стол: если бы в районе Большой дороги случилось торнадо, Кэрол и Дуайту пришлось бы спуститься в подвал и тогда этот стол стал бы их обеденным столом.

Дыхание Дуайта стало спокойнее, он больше не ворчал и не чертыхался. Работа была закончена. Кэрол поняла, что муж положил ее на стол.

– Лучше бы тебе не просыпаться, дорогая, – сказал Дуайт. – Ты даже не представляешь, как это трудно – жить в чужой тени.

Ничего не понятно! Кэрол пыталась сообразить, что он имеет в виду, но единственный пришедший ей в голову вариант объяснения был столь ужасен, что принять его она не могла.

Он хочет, чтобы я осталась здесь.

– Особенно мужчине, живущему в тени своей жены... О, Кэрол! Не просыпайся. Не лишай меня моего триумфа!

Падаю...

Падаю...

Падаю...

Затем Кэрол вновь услышала шаги Дуайта – они удалялись. Послышался скрип лестницы, ведущей в кухню. Шаги в холле и прихожей. Стук открывающейся и закрывающейся

входной двери.

Копыта лошадей энергично застучали по дорожке, ведущей от дома.

Дуайт!

Экипаж растворился в ночной тишине.

Он хочет, чтобы ты осталась здесь.

Но не успела Кэрол задать себе очередной вопрос, не успела предпринять попытку осознать весь ужас своего нового положения, как дверь, ведущая в подвал, вновь открылась.

Несмотря на ветер, воющий в ушах, она услышала, как заскрипели ступени лестницы.

Она ошиблась и Дуайт никуда не уезжал?

Нет, это не он. Шуршание босых ног по цементному полу, быстрое и легкое движение.

Неужели вор? Один из тех ужасных бродяг, что шляются вдоль Большой дороги? Следил за домом и, дождавшись, когда экипаж уедет, забрался в подвал!

Звук босых ног достиг убежища; человек вошел, и из множества грубых обветренных физиономий, которые Кэрол видела на Большой дороге, выросло одно-единственное лицо. Знакомое лицо человека, которого она любила лет двадцать назад, и черты этого лица еще не были обветрены на дорогах жизни, а имя человека не успело обрасти легендами.

Джеймс Мокси.

Кэрол представила себе, что это Мокси забрался в убежище и хочет исправить то, что сделал Дуайт.

Дуайт хочет, чтобы ты осталась здесь.

Но правда ли это?

– Кэрол! – прозвучал женский голос.

Всхлипывания Фарры раздались так близко, что даже ветер не заглушил их.

– Кэрол! Вы...

Фарра запнулась, потом вновь принялась всхлипывать, а ее слезы, словно тяжелые капли дождя, ударили в пол. Куда же отправился Дуайт?

Он сказал, что Кэрол мертва.

И он уехал из дома в экипаже.

Кэрол попыталась связать эти два факта, но вся ее сущность противилась этой связи.

Не думай об этом! Прошу тебя, не думай!

Но она уже не могла остановиться. И правда открылась ей – сразу, целиком и полностью.

Он уехал к распорядителю похорон.

ПОМОГИТЕ!

Но никто не услышит немой мольбы женщины, спрятанной в подвале собственного дома в Хэрроуз. Даже девушка, рыдающая возле ее тела.

– Больше всего я боюсь, – сказала как-то Хэтти, когда вошла с досками в мастерской, а девятилетняя Кэрол сидела неподалеку, – что мою дочь похоронят заживо.

Но Кэрол не была похоронена. Она падала.

Падаю...

Падаю...

Падаю...

Голоса, звучавшие в сознании Кэрол, были голосами ее памяти, и у них не было ни сил, ни возможности сказать распорядителю похорон, что Кэрол жива. Они не могли ни остановить могильщиков, ни сорвать крышку с гроба, который, как полагала Кэрол, скоро появится.

И будет закрыт.

Прекрати! – набросилась на себя Кэрол. – *Ты просто испугалась. Только и всего. Ты не то услышала и не так его поняла.*

Но в Воющем городе невозможно понять «не так». Наоборот: насколько Кэрол помнила, все, что она узнавала здесь, было гораздо правдивее тех слов, что она слышала. Это была правда человека, стоявшего *за словами*.

Так что же задумал Дуайт?

– О, Кэрол! – всхлипнула Фарра голосом убитой горем феи. – Вы выглядите совершенно живой!

Подготовка к погребению. Полночь

Погоня лошадей, запряженных в экипаж, Дуайт миновал центр города и проехал мимо дома шерифа, находящегося ровно на полпути от южной границы. На улицах – никого. Смерть Джона Боуи, друга Кэрол, заставила город содрогнуться, и последствия этого Дуайт все еще ощущал в трепетании холодного утреннего воздуха. И это беспокоило Дуайта.

Боуи, гомосексуал, никогда не представлялся Дуайту особо опасным. Поскольку тот абсолютно не интересовался женщинами, Дуайт не возражал против того, чтобы Кэрол и Джон часами сидели вместе на крыльце, гуляли, *разговаривали*. Понятно, во время этих разговоров Кэрол могла сообщить, и, конечно же, сообщила закадычному другу о своих приступах, но тут уж Дуайту нечего было противопоставить объективному движению жизни.

Планировать убийство – вещь достаточно деликатная, и нужно быть очень осторожным, выбирая, о чем можно рассказывать, а о чем – нет.

Смерть Боуи, как считал Дуайт, была неизбежной. Конечно, никому не дано предсказать, кого заберет Болезнь, но Джон Боуи, с его неизменными прыжками и ужимками, с его

вечным пьянством и бесконечными любовными историями, с его непрекращающейся болтовней и стремлением вырваться за рамки ритуалов, которым беспрекословно следовали другие люди, неизбежно должен был себя угробить, и Дуайт понял это, как только впервые встретил этого человека.

Нет, наверное, Боуи все-таки представлял угрозу. В философском, отвлеченно-духовном смысле. Здесь он являлся врагом Дуайта, поскольку был более интересен и многогранен.

Но Дуайт не хотел себе в этом признаваться.

– К дому Лафайетт! – буркнул Дуайт и щелкнул вожжами, направляя лошадей через центр города к открывавшимся впереди пшеничным полям, которые под темным небом выглядели словно льдины. Там жила Лафайетт, на самой границе полей, окруженных ивами, в месте, откуда начиналась Большая дорога.

Дуайт все думал и прокручивал в уме то, что будет говорить. Прокручивал и обдумывал вновь.

Он представил, как предстанет перед распорядителем похорон, Робертом Мандерсом.

– Мандерс, – скажет он дрожащим голосом. – Она умерла.

Лживые слова срывались с его уст, а мозг восстанавливал серию событий, которые привели его туда, где он оказался. Болезнь разнесла Джона Боуи на куски (именно так во всех случаях она и работала), и у Дуайта было достаточно времени, чтобы сообразить: с уходом Боуи не осталось, кроме него

самого, людей, которые знали бы о состоянии Кэрол.

Но как получилось, что Кэрол впала в кому в день похорон Боуи?

Дуайт знал, что дело здесь не в простом везении. Кэрол была слишком упряма, чтобы увидеть прямую связь между своими приступами и теми волнениями, которые подстерегали ее на жизненном пути. Но Дуайт наблюдал за женой уже почти пять лет. Он говорил Кэрол о результатах своих наблюдений, но та лишь отмахивалась – если Хэтти не заметила этой связи, то ее, стало быть, вовсе не существует.

Но эта связь существовала! Когда Хэтти умерла, Кэрол сразу же впала в кому. Любая эмоциональная встряска неизменно отправляла ее в... в...

Воющий город.

Так в далеком детстве она назвала свои состояния.

Дуайт находился в миле от домика Лафайетт, морщинистой ведьмы с грушевидной фигурой и глубокими морщинами по всей физиономии, чей источник дохода состоял в том, что она связывала вполне приличных людей с чудовищами, отвергнутыми цивилизацией. Кэрол терпеть ее не могла, да и сам Дуайт не был уверен, что знает, как он относится к этой женщине. Но на кону была целая куча денег, которые принадлежали его жене. А Лафайетт как никто другой знала, как обращаться с большими деньгами.

– Мандерс! – произнес Дуайт, слегка изменив тембр голоса и убавив печали. – Она... *умерла!*

Джон Боуи был не единственным из тех, кто знал тайну Кэрол. Но самой Кэрол совсем необязательно было знать про Лафайетт.

От охватившего его возбуждения Дуайт едва не рассмеялся, но сдержался. Праздновать будем потом, а пока есть неотложные дела. Для начала – короткий разговор с Лафайетт. Потом – организация похорон.

Но что же делать с этой девчонкой, Фаррой? Что она успела узнать?

Когда горничная потеряла сознание, Дуайт отнес ее в гостевую комнату и положил на кровать. На этом этапе игры лучше сделать все по-человечески. А что, если она проснулась, пока он в отъезде? Вряд ли она будет проверять подвал. Увидит, что хозяйки в спальне нет, и в истерике бросится в город, всем рассказать, что Кэрол умерла.

Это на руку Дуайту.

– Мандерс... Она умерла!

Теперь Дуайт произнес эту фразу без малейшей печали в голосе. Перед ним, подобно одинокому светлячку, мерцал свет в окошке Лафайетт, и душу Дуайта распирало от радости.

Лафайетт действительно живет так, будто она ведьма, – подумал он.

Дуайт остановил экипаж в двадцати шагах от навеса и выбрался наружу. Дверь в домик была открыта, словно это была обычная летняя ночь, к смерти не имеющая никакого от-

ношения.

– Эверс?

Морщинистое лицо Лафайетт появилось в окне. Дуайт подошел к двери и, дождавшись, когда хозяйка покажется на пороге, сказал:

– Она умерла.

Лафайетт не выказала удивления. Казалось, она даже не услышала то, что сказал Дуайт. Да, полное отсутствие эмоций – вот что делает тебя таким нужным человеком на Большой дороге.

– Войдите.

Дуайт переступил порог домика Лафайетт и вспомнил же-ну, распростертую на крыльце их дома. Он подошел к стоящему в центре комнаты маленькому деревянному столику. Лафайетт села поодаль.

– Ну, начнем, – сказала она.

– Мандерс, – произнес, кивнув, Дуайт. – Сегодня ночью.

Лафайетт посмотрела на свою раскрытую ладонь.

– Не стоит так спешить. Сделайте это завтра.

– Я хочу похоронить ее прямо сейчас.

Лафайетт рассмеялась, и Дуайту показалось, что он видит эту женщину в первый раз в жизни и, наконец, в ее истинном обличье. Так бывает, когда, вступив в клуб, ты внезапно узнаешь полный свод правил, которым подчиняется уже принятый член.

– Он не станет хоронить ее ночью, Дуайт. Забудьте про

это. Будем придерживаться плана.

– Плана? Кэрол умерла. И мы ее похороним. Вот наш план.

Лафайетт глянула назад, в сторону открытой двери.

– Она в экипаже? – спросила она.

В ее голосе сквозило нездоровое любопытство, отчего у Дуайта засосало под ложечкой.

– Нет, – покачал он головой. – Она дома. На случай если шериф Опал станет интересоваться.

Лафайетт обратила на Дуайта свой бесстрастный взгляд.

– Пока вы ездите к Мандерсу, – произнесла она, – она за- просто может проснуться и пойти... пойти к тому же Мандерсу и поставить вас в дурацкое положение.

– Сегодня она не проснется. Так быстро это не происходит.

– А как?

– Самый короткий срок – два дня. Это то, что я помню с момента нашей свадьбы. Все это время, пока я за ней при- сматриваю.

– А до этого?

– Два дня, не меньше! – вскричал Дуайт.

Но даже теперь Лафайетт не выказала ни нетерпения, ни злости:

– Ну, и к чему такая спешка?

Дуайт открыл рот, потом снова закрыл. Вновь открыл и сказал:

– Я хочу похоронить ее прямо сейчас.

Лафайетт водрузила ладони на свое мешковатое брюхо. В тени, отбрасываемой ею от лампы, ее «конский хвост» напоминал хлыст.

– Мандерс поймет, что это настоящее горе, – сказал Дуайт.

– Но ведь так оно и есть.

– Именно. Так и есть.

Лафайетт размышляла над сказанным.

– Кто-нибудь еще знает, что она умерла? – спросила она.

– Да.

– И кто же? – вскинула голову Лафайетт.

– Фарра Дэрроу, наша горничная. Кэрол упала прямо к ее ногам.

– Убейте ее, – сказала Лафайетт, не раздумывая ни секунды.

– Нет.

– Почему?

– Слишком уж подозрительно.

– Ну да, – согласно кивнула Лафайетт и вдруг икнула. – Подозрения нам не нужны. Но все равно, я говорю, что вам нужно задушить жену.

– Я не стану этого делать.

– А я могла бы.

Волна гнева поднялась в душе Дуайта. Не просто потому, что Лафайетт предложила ему убить жену, но потому, что пыталась представить его полным ничтожеством, не способ-

ным на поступок. А именно это он и хотел похоронить вместе с женой.

– Да, это должно получиться, – произнесла Лафайетт, по-видимому, отказавшись от своего последнего предложения. – Мандерс сделает все, что нужно. Но это должна быть церемония, так сказать, для избранных.

– Избранных?

– Мне кажется, что ваша жена хотела бы, чтобы ее хоронили без посторонних. Никаких случайных людей, никаких любопытных глаз. Она этого заслуживает. Это нужно ей, а не вам.

– Да, именно так. Ей.

– Покажите мне, как вы все это скажете.

Много раз Дуайт репетировал перед Лафайетт, и все-таки, несмотря на то что все было уже, как говорится, на мази, напряжение было невыносимо – все-таки он должен был похоронить не кого-то там, а собственную жену. Да еще и живую!

Где-то в глубине домика Лафайетт тикали часы.

– Итак, я отправлюсь к Мандерсу и скажу так...

Лафайетт подняла руку, словно театральный режиссер перед началом сцены.

И Дуайт начал разыгрывать сцену своего появления в доме распорядителя похорон. Лафайетт встала из-за своего маленького стола. Ее глаза горели отраженным светом лампы; резкими жестами она комментировала каждое слово Дуайта, направляла его, даже ухватила за полы его сюртука, слегка

похлопывала по плечу, ерошила волосы.

– На кон поставлено слишком многое, – сказала она. – А я не могу там быть вместе с вами. Вам нужно вжиться в эту роль. По-настоящему стать вдовцом, чье сердце разрывается от горя и отчаяния.

Дуайт вновь прошел сцену, усилив, насколько смог, эмоциональный накал.

– Нет, – покачала головой Лафайетт. – И еще раз – *нет*. Начните заново.

– Мандерс...

– Нет!

– Мандерс...

– Нет!!!

В том же духе они продолжали несколько часов: Дуайт повторял и повторял приготовленные слова, которые эхом отдавались от стен домика, Лафайетт ходила по комнате взад и вперед.

Затем, без всяких предисловий, Лафайетт заявила, что Дуайт готов, и тот неожиданно почувствовал сильнейшее волнение, какого до этого не ощущал никогда.

– Пора, – сказала женщина скрипучим голосом, напоминающим звук несмазанных дверных петель. – Пора Дуайту Эверсу выйти в мир в качестве убитого горем вдовца.

Дуайт вышел из домика. На небе светила луна, и он вдруг с удивлением осознал, что провел здесь несколько часов, что не входило в его планы. Сзади раздался скрипучий голос:

– И, черт побери, Эверс, не забудьте про слезы. И не разгуливайте с таким уверенным видом!

Дом распорядителя похорон Роберта Мандерса, где одновременно проходил и сам ритуал прощания с усопшим, располагался на северо-восточной границе Хэрроуза, над самым кладбищем. Дом венчал собою достаточно высокий холм, и зимой порой случалось так, что траурные экипажи рисковали заскользить, потеряв управление, по обледеневшей дороге. Но теперь было лето, деревья щеголяли зеленою, лужайку перед домом покрывала густая трава, и все строение напоминало скорее хорошо ухоженное жилище обычного горожанина, чем место последнего успокоения. Дуайт считал этот дом одним из лучших и красивейших в городе, и в разговорах со знакомыми не раз возмущался тем, что столь замечательное строение используется для омовения и одевания покойников, равно как и для совершения разнообразных и совершенно бессмысленных ритуальных действий. Величественная красота – и столь неуютное предназначение! И все-таки в самом доме было нечто мрачное. Несмотря на свежую зеленую краску на ставнях, ухоженный газон и чистые окна, в которых днем отражались весело бегущие по небу облака, обитатели Хэрроуз безошибочно опознавали этот дом как Дом Смерти. Именно здесь всем без исключения жителям города предстояло завершить свой земной путь.

А самым мрачным знаком смерти, возможно, были здесь

деревянные ворота с аркой, ведущие от дома прямо на кладбище.

Было еще темно, когда Дуайт по склону холма, мимо белых лилий, окаймлявших дорожку, поднялся к крыльцу дома Мандерса.

Да, горничная вполне могла расслышать что-то из их с Кэрол разговоров, хотя Дуайт не знал, что именно. Но сейчас он не мог на этом сосредоточиваться. Позже он обдумает, что с этим делать. Но теперь ему предстоит встреча с Мандерсом.

Хорошо ли он к ней подготовился?

Одно дело – произносить слова скорби над телом спящей Кэрол. Совершенно другое – в домике Лафайетт, пусть и в ночь, когда Кэрол выпала из нормального течения жизни. Но во второй раз за три часа проезжая мимо дома шерифа Опала и приближаясь наконец к дому распорядителя похорон, Дуайт вдруг почувствовал, что совершенно не готов.

Это чувство сопровождало его на всем пути от главной улицы Хэрроуз к домам, где посреди обширных участков стояли дома богатейших мужчин и женщин округа. И впервые в жизни, несмотря на не отпускавшее его волнение, Дуайт ощутил себя полноправным членом этого сообщества. Благодаря «смерти» Кэрол он, Дуайт, теперь сказочно богат.

Правда, часть денег уйдет к Лафайетт, – подумал он. Но ведь Лафайетт не знает истинных размеров его богатства!

Дуайт направил лошадей на круговую дорожку, ведущую

к высокому крыльцу, и сошел со ступенек экипажа. В лунном свете его черный сюртук казался синим, а пряди седых волос на голове сияли. Дуайт осмотрел дом и заметил в одном из окон мерцающий свет лампы. Да, теперь, когда в Хэрроуз явилась Болезнь, работы в этом доме прибавилось, хотя и могильщикам, и самому распорядителю похорон время от времени необходим сон. Дуайт бросил взгляд по ту сторону дома, на кладбище. Там, за деревянной аркой ворот, в неясном свете луны виднелись каменные и деревянные памятники, а в дальних концах кладбища, возле кромки леса, на столбах висели мерцающие в ночной дымке фонари.

Вот свежая могила Джона Боуи, скупо освещенная лунной. Комки еще не разошедшейся земли, под которыми навеки умолк этот настырный шут.

Дуайт знал, что на кладбище нет сторожа и что местные могилы время от времени опустошают грабители, как и прочие кладбища в округе, – искать сокровища в могилах куда проще, чем грабить банки. Еще Дуайт знал, что Мандерс наверняка дома. Никто в Хэрроуз, кроме разве что Мандерса и шерифа Опала, не был так влюблен в свою работу.

Дуайт сошел на гравийную дорожку по черным ступенькам экипажа. Мелкие камешки захрустели под его подошвами, когда он пошел мимо белых лилий к каменной лестнице, ведущей к дубовой входной двери.

Дуайт знал, что Мандерс живет на втором этаже, как раз над своим офисом; а ниже, в каменном подвале, художник

Норм Гастер снаряжал усопших в последний путь, воссоздавая на их застывших лицах портреты истинных королей и королев. Норм был в известном смысле местной знаменитостью, и редкие похороны проходили без того, чтобы его искусство портретиста не было специально отмечено городским обществом.

Когда Дуайт взялся за бронзовую дверную колотушку и ударил в дубовую панель, небо вспыхнуло молнией и изда-лека прилетел раскат грома.

Пошел дождь.

Эта девица, Фарра. Что она слышала? Что знает?

Но ее время еще не пришло. *Пока* не пришло.

Внутри дома послышалось движение, сопровождаемое мерцающим светом лампы. За стеклянными дверями кто-то появился. И вновь Дуайт подумал: как жаль, что это замечательное здание используется для организации таких жалких и ненужных ритуалов. Но тут дверь отворилась, и Мандерс потянулся в карман за очками.

– Мистер Эверс? – спросил он недоуменно.

Роберт Мандерс был невысок ростом, жиденькие волосенки гладко лежали по сторонам его головы, а розовые щеки придавали распорядителю похорон облик вечного ребенка – несмотря на его мрачную профессию.

– Мне очень жаль, что приходится вас беспокоить, Роберт. Я не видел света в ваших окнах, но у меня очень печальные новости, и я нуждаюсь в вашей помощи.

Произнеся эти слова, Дуайт подумал о Лафайетт – та сейчас наверняка расхаживает взад-вперед по своему домику и своим скрипучим голосом бормочет: *нет, нет, все не так...*

– Что произошло, мистер Эверс?

Дуайт глубоко вздохнул:

– Кэрол умерла вчера вечером.

Как это прозвучало? Правдиво? Убедительно?

Мандерс, несмотря на то что пережил тысячи подобных встреч, все еще не утратил способности сочувствовать родственникам умерших, а потому тронул промокшее плечо Дуайта.

– Примите мои соболезнования, Дуайт! Входите.

Вестибюль дома был погружен в черноту, за исключением пятна на полу, выхваченного из темноты светом лампы. Вслед за хозяином Дуайт пересек вестибюль и вошел в офис. Мандерс прошел по большому зеленому ковру и, перед тем как обойти свой рабочий стол и сесть за него, похлопал по спинке стоящий перед ним маленький стул.

Дождь возбужденно стучал по окну.

– Это была Болезнь? – спросил Мандерс, и стекла его очков отразили свет лампы.

– Нет, Роберт.

Мандерс исследовал лицо вдовца.

– Кто-нибудь ее освидетельствовал?

– Освидетельствовал?

И вновь в глубине сознания Дуайта закрипел голос Ла-

файетт, явно недовольной тем, как он себя ведет, что говорит. В так хорошо отрепетированной сцене возникла заминка.

– Врач ее видел? – уточнил Мандерс. – Перед тем, как мы начнем готовить похороны, важно узнать причину смерти. Ведь это могла быть Болезнь.

Дуайт сунул руку в карман жилета и достал сложенный вдвое лист бумаги.

– Вот свидетельство, – сказал он и протянул лист Мандерсу.

Распорядитель похорон медленно прочитал документ и, подняв голову, спросил:

– Кто это написал?

(– Он обязательно спросит, кто написал это, – сказала несколько недель назад Лафайетт.)

– Мой близкий друг. Мы вместе посещали колледж.

– Вы учились в медицинском колледже?

– Нет, но мы жили вместе, – покачал головой Дуайт. – Его имя Александр Вульф. Исключительно квалифицированный практикующий врач из Чарльза. Со свидетельством что-то не так?

Мандерс вновь внимательно посмотрел на документ.

– Заключение о смерти противоречиво, как мне кажется, – проговорил он. – Здесь говорится о том, что причина смерти не определена. Это действительно так?

Дуайт кивнул. Слово *противоречиво* резануло его ухо.

– Но здесь также пишется, – продолжал Мандерс, – о приступах головокружения, о слабости, о затрудненном дыхании и сердечной недостаточности...

Дуайт еще раз посмотрел на свидетельство и нахмурился.

– Да, все именно так. И в чем здесь противоречие?

– Видите ли, – начал Мандерс, – я не врач и не хочу ничего дурного сказать о вашем друге, но он очень точно перечисляет все симптомы и признаки сердечного приступа, хотя делает вывод, что причина смерти неизвестна.

– Так Кэрол умерла от сердечного приступа?

Не желая отвечать за точность диагноза, Мандерс отрицательно покачал головой.

– Нет, – сказал он. – То есть да. То есть, если описание верно, ваша жена действительно могла стать жертвой сердечного приступа. Когда ее освидетельствовал врач?

– С час назад. Может быть, немного раньше.

Мандерс вновь взглянул на лист бумаги, а Дуайт продолжал:

– Я сам убедился в отсутствии у нее пульса. Прикладывал зеркало к лицу. Когда наша горничная, Фарра, увидела, что Кэрол упала, и закричала, было уже поздно что-либо делать.

– Кэрол упала?

– Рухнула как подкошенная.

Мандерс вздохнул, и суровое выражение на его лице стало более мягким.

– Простите меня, мистер Эверс, но вы должны понять:

мне необходимо иметь полную и точную картину того, что произошло, чтобы исполнить свои обязанности максимально эффективно и профессионально. Знали бы вы, сколько в подобных делах ошибок! Неправильно выписанные свидетельства о смерти, неверно указанные причины смерти, сокрытие некоторых существенных деталей. Я понимаю – вы угнетены болью утраты, и я не хотел вас оскорбить.

– Самое страшное – это то, что она умерла. Причины для меня не так важны.

– Я понимаю, – сочувственно кивнул Мандерс, увидев повлажневшие глаза Дуайта.

На несколько мгновений воцарилось молчание. Вдалеке прогрехотал гром. Дуайт думал о Фарре. Представил ее и Кэрол в саду. Вот Кэрол начинает рассказывать горничной о своих состояниях, о коме.

Но тут Мандерс вновь заговорил:

– Думаю, мы должны провести дополнительное освидетельствование. Это из-за Болезни. Нужно удостовериться в том, что Болезнь окончательно покинула Хэрроуз. Может быть, вы попросите доктора Уокера и он осмотрит Кэрол?

(– Он попросит провести вторичный осмотр, – говорила Лафайетт.)

– Я никого не хочу обидеть, Роберт, но слову Александра Вульфа я доверяю больше, чем кому бы то ни было. Кэрол была знакома с Александром, и, когда все произошло, я тут же подумал о самом близком нам человеке из тех, кто имеет

дело с медициной.

Дуайт чуть подался вперед и прошептал:

– Мне не хотелось бы, чтобы об этом деле были осведомлены слишком многие, Мандерс. Не нужно шумихи. Я хотел бы провести закрытую церемонию.

– Так вы приехали, чтобы организовать похороны?

– Именно. Видите ли, Мандерс, мне нужно похоронить Кэрол как можно быстрее.

Мандерс глубоко вздохнул, и Дуайту не понравился звук этого вздоха. Неужели распорядитель похорон что-то заподозрил? Или хочет мягко отказать по своим, чисто профессиональным, основаниям?

– Я понимаю вас, мистер Эверс, – сказал Мандерс. – Но я должен объяснить – у меня уже образовалось нечто вроде очереди. Тринадцать тел. Лукас и Хэнк работают не покладая рук. В том, как распространяется Болезнь, есть нечто поистине пугающее. Не припомню, чтобы в Хэрроуз случалось что-то подобное нынешней трагедии. Я очень рад, что Кэрол не стала ее жертвой, но понимаю, что это не имеет никакого значения. Итак, когда вы планируете похороны?

– Этим утром, не позже.

Мандерс, отлично разбирающийся в нюансах подобных ситуаций, изобразил на лице сочувствие.

– Мистер Эверс! Мне очень жаль, но самое ближайшее время, которое я могу предложить, – это послезавтра.

Дуайт встал с кресла и подошел к книжному шкафу, стоя-

щему возле стены. Свет лампы едва достигал корешков стоящих там книг. Дуайт не без труда прочитал несколько названий. Потом, не оборачиваясь, произнес:

– Вы же понимаете, Роберт, что я не очень разбираюсь в этих делах.

Мандерс молчал. Дуайт повернулся лицом к колеблющемуся свету лампы и продолжил:

– Но если есть возможность провести похороны завтра утром...

– Мне очень жаль, мистер Эверс, но это слишком быстро. Дуайт сунул руку в карман, и Мандерсу показалось, что тот сейчас достанет деньги. Но вместо денег на свет появился носовой платок, которым Дуайт принялся отирать лоб и шею.

– Роберт! Если бы только у нас появился способ все ускорить! Несмотря на всю ту боль, что раздирает мое сердце, я хочу устроить все так, как желала бы устроить сама Кэрол. Как же неудобно, что скорбящие вынуждены принимать решение под чьим-то давлением! Это жестоко! Мужчина заботится о женщине всю свою жизнь, обеспечивает ее всем, чего она желает, верно служит ей. А потом она исчезает из его жизни, и он, лишенный самого ценного, что у него было, потрясенный и потерявший курс в жизни, должен принимать такие серьезные решения. Ничего удивительного в том, что в подобных делах совершаются ошибки! Кто обвинит оставшихся в живых в том, что они ведут себя неправильно? Я бы

не стал этого делать. Удивительно то, что вообще что-то решается! Нет, каждый человек непременно должен вести записи и вносить в книжку все свои пожелания относительно отправки в последний путь. А когда он умрет, оставшиеся в живых просто последуют его инструкциям. К сожалению, никто не ведет таких записей, что очень печально.

Мандерс посмотрел в окно – словно дождь мог ему что-то посоветовать.

– Вы можете привезти ее сюда сегодня утром, – сказал он. – Но похороны смогут состояться только послезавтра.

Дуайт кивнул и вновь отвернулся к книжному шкафу.

– А где она сейчас? – тихо спросил Мандерс.

– Сейчас?

Дуайт повернулся, и в свете лампы черты его лица показались Мандерсу размытыми.

– Она сейчас... Она к северу отсюда.

Мандерс нахмурился.

– Что вы имеете в виду?

Дуайт не без труда выдержал взгляд распорядителя похорон, но все-таки постарался и изобразил на своем лице сочувствие.

– Хорошо, Мандерс, я все вам расскажу. Дело в том, что готовить тело к похоронам будут другие люди. Я так решил.

На лице Мандерса отразилось удивление.

(– Это ему не понравится, – говорила Лафайетт.)

– Я знал, что вам это может прийтись не по душе, – ска-

зал Дуайт. – Но это мои дальние родственники, и они тоже занимаются этим профессионально, как и вы.

Мандерс покачал головой.

– Меня не очень беспокоит, что этим делом занимается кто-то другой. Главное, чтобы все было сделано как надо. Они будут делать это у вас дома?

– Да, – ответил Дуайт.

Мандерс спокойно смотрел в его глаза. Дождь за окном утих, а затем с новой силой забарабанил в стекла.

– И как их зовут? – спросил он.

– Простите?

– Ваших родственников. Поймите, это не любопытство. Я просто хочу быть уверенным, что все будет организовано должным образом.

Дуайт вернулся к креслу и сел.

– Их зовут так же, как и меня, – сказал он. – Это Эверсы из Саскатайна.

Мандерс молчаливо обдумывал сказанное. В этой пижаме он выглядел моложе своих лет, и вновь Дуайт подумал о Фарре.

– Как вам будет угодно, мистер Эверс, – сказал наконец распорядитель похорон. – Предусмотрено ли общее прощание?

– Нет, Роберт, – ответил Дуайт, буквально слыша, как шипы, скрепляющие его план, входят в свои пазы. – Кэрол, как и большинство женщин, очень заботилась о том впечатле-

нии, которое она производит. Я не думаю, что ей хотелось бы предстать перед всеми в таком виде. По этой же причине я прошу о закрытой церемонии. Кэрол была... была... застенчивой натурой.

Мандерс кивнул, хотя застенчивость Кэрол и оказалась для него новостью.

По пути из офиса мужчины договорились, что Дуайт привезет Кэрол утром в день похорон. Мандерс держал лампу и, когда он открывал входную дверь, Дуайт тронул его плечо ладонью, о чем тотчас же пожалел.

А вдруг неискренность выдает себя через прикосновение? – Страшно признателен вам, Роберт, что согласились принять меня в столь поздний час, – сказал Дуайт. – И извините меня за то, что часть вашей работы будет сделана другими людьми. Видите ли, Кэрол была существом очень преданным. И это одна из причин, по которым я ее любил. То, что ее телом будут заниматься наши родственники, для нее многое бы значило. Вы видите, я изо всех сил борюсь со своим горем. То, что вы позволили мне встретиться с вами, мне очень помогло. Мне сложно об этом говорить, но, если быть откровенным, я и настаиваю на скорых похоронах потому, что долго мне не продержаться.

– Все пройдет как должно, – уверил его Мандерс. – Все будет хорошо, мистер Эверс.

Дуайт изобразил жалостливую улыбку.

– Странно в этой связи слышать слово *хорошо*, Роберт, –

сказал он. — Когда все, наоборот, так *плохо*!

Затем Дуайт ступил в темноту и слился с черным небом, с полночью, с черным экипажем и серыми лошадьми, с мерцающими огнями по ту сторону деревянной арки, которой был отмечен вход на кладбище. Для Мандерса, провожавшего Дуайта взглядом, последний был неотличим от деревянных и каменных надгробий, возвышавшихся над землей.

Более темной ночи Мандерс в своей жизни не припомнил.

В душе же Дуайта неугасимо мерцал назойливый огонек, вспыхнувший в тот самый момент, как только он подумал: никто ничего не знает!

Этот огонек согревал его, напоминая, что Джон Боуи мертв, а Лафайетт — в деле. Но Дуайт хотел воспользоваться им, этим далеким пламенем, чтобы все как следует проверить и удостовериться, что его тайна не ведома никому.

Мокси и посыльный

Почтмейстер мистер Кэдж прекрасно знал, кому из своих подчиненных поручит доставку послания, только что прибывшего из Хэрроуз. Правда, сидящий на скамейке у крыльца юноша, на которого пал выбор, едва не валился с ног от недосыпа.

– Есть работенка, – сказал ему Кэдж, склонив голову и козырьком фуражки прикрыв глаза от солнца, после чего похлопал посыльного по плечу.

Явно не понимая, что говорит ему босс, посыльный поднял мутные сонные глаза.

Но тут же встряхнулся.

– Вот оно что! – произнес он, соскочив со скамейки. – Доставка!

– Да, и давай-ка поторопись, – сказал Кэдж, протягивая посыльному сложенный вдвое конверт.

– Спасибо!

Посыльный надел шляпу, бегло глянул на адрес, но, перед тем как спуститься с крыльца, на мгновение застыл:

– Мистер Кэдж!

– Что еще?

– Как-то мне... боязно встречаться с этим типом.

Кэдж рассмеялся раскатистым смехом здорового, уверенного в себе человека.

– Так ведь встречи-то и не будет, сынок! Ты же всего-на-всего посыльный.

Кэдж подмигнул посыльному, но тот по-прежнему не двигался с места.

И тогда Кэдж повысил голос:

– Это срочная телеграмма, малыш. Пошел, и не оглядывайся! С адресом сам разберешься – глянь на конверт, и вперед!

Посыльный, сунув листок в карман жилета, снова поблагодарил мистера Кэджа. Тот, повернувшись к нему спиной, вернулся в дом.

Посыльный спрыгнул с крыльца и торопливо пересек покрытую гравием площадку, подойдя к столбу, у которого привязанной стояла старая гнедая лошадь. Почтмейстер выглянул из окна: посыльный в пути, следует в северном направлении.

Кэджу вся эта история была малоинтересна – кто такой этот Джеймс Мокси, как он связан с преступным миром, кто вообще в Макатуне сделал себе имя подвигами на Большой дороге? Какая ему разница? Что бы там этот Мокси ни натворил, совершил он это еще в молодости. Теперь же он успокоился, и Кэджу было комфортно от мысли, что ему уже не нужно бояться какого-нибудь психа с пушкой или подонка, возомнившего себя героем всех времен и народов и рыскающего по его городу в поисках приключений.

Когда Джеймс Мокси приехал в Макатун, то не преми-

нул зайти в офис мистера Кэджа и представиться. Был он не менее вежлив и радушен, чем сам президент Куперсмит, и, наверное, мистер Кэдж все-таки лукавил, говоря о своем равнодушии к знаменитостям, потому что, едва незнакомец представился и имя его достигло ушей стоящего за потрескавшейся от времени конторкой почтмейстера, тот почувствовал нечто вроде радостного волнения. Конечно, все эти байки про преступников и преступления – для малых ребят; это их хлебом не корми, а дай послушать историю про кровожадных разбойников. Но такого рода рассказы странствовали из дома в дом, и дань им отдавали в том числе и взрослые. Все окрестности Большой дороги были пропитаны рассказами о преступниках, отступниках, переступниках и прочей сказочной нечисти, и Кэдж слышал их во множестве, как и любой другой местный житель. Всех пугала Большая дорога – опасная тропа, поросшая по обочинам непроходимыми зарослями черной березы и наполовину мертвого ореха-пекана, чьи корни по полгода бывали засыпаны снегом, а ветви, как перчатками, сдавлены удушающим панцирем обледенения. При этом верхушки берез над Большой дорогой тесно переплетались, образуя туннель настолько темный, что даже смельчак из смельчаков не рискнул бы лишний раз войти под его тень, особенно ночью.

Мистер Кэдж улыбнулся. В этих краях совсем нетрудно оставаться богобоязненным человеком.

И, черт побери, история Джеймса Мокси была совсем не

из рядовых! Да и провалиться нам всем на месте, если подвиг, который он совершил в Абберстоне, не затмил все, что когда-либо происходило в округе!

Народ говорил по этому поводу: *Ну и штуку он выкинул!* И хотя Кэдж, так сказать, не очень-то разбирался в колбасных обрезках и всех тонкостей дела не понимал, это была всем историям история.

Почтмейстер вновь подошел к окну и увидел, что посыльный скрылся из виду. Наверное, треть пути до временного жилища этого человека он уже проделал. Кэдж мыслями вновь обратился к тому дню, когда Мокси в первый раз появился на почте – стоял как раз напротив, за потрескавшейся от времени конторкой почтмейстера, положив на нее свою сильную руку. Представился, как и положено, заранее благодарил за сообщения, которые почта будет ему доставлять, назвал адрес – адрес, где живет и поныне. Живет, потому что не пропал, не сгинул в непроницаемом хаосе безумия – одна из главных легенд Большой дороги, самый известный из людей, чья нога когда-либо касалась ее неровного покрытия.

Да, никто не станет отрицать – в этом есть нечто завораживающее. Почтмейстер рассмеялся. Потом подумал о шустром посыльном, который мог неделями сидеть на крыльце в ожидании возможности хоть краем глаза взглянуть на Мокси, и засмеялся громче.

Сам же посыльный не верил своему счастью. Несмотря на юный возраст, он успел постранствовать по Большой дороге,

хотя царивший там последнее время ужас и заставил его пересмотреть свой жизненный уклад. Раньше он укладывался ночевать то под березой, то под кленом, что росли на обочине, думая: сам Мокси когда-то точно так ночевал. А иногда засыпал на поросшем мхом краю зеленого озерца, из самых глубин сна внимая бодрым звукам ближайшего города, пробивавшимся через густую поросль стоящих у края дороги деревьев. Эти деревья превращали Большую дорогу в настоящий туннель, по которому посыльные – пешие и конные – доставляли из города в город и письма, и слухи, и *настроения*. Но в конце концов он бежал с Большой дороги, будучи не в состоянии более выносить ноши вселяемого ею мрачного ужаса, – так дети бегут прочь, в теплую глубину дома, от родителей, которые, сидя у очага, рассказывают им на ночь всевозможные страшилки.

Но как же хорошо было ему сейчас! Он сбежал от кошмара Большой дороги, он устроился в Макатуне, а теперь едет к самому Джеймсу Мокси. Раньше он готов был заплатить любые деньги, чтобы повидать Мокси вблизи.

И как же ему хотелось узнать содержание телеграммы!

Тяжелые копыта лошади стучали в унисон с сердцем посыльного. Да, было от чего разволноваться! У посыльного была собственная версия того, что произошло в Абберстоне, и он вновь и вновь прокручивал ее в голове. Мокси на одном конце выработки, Дэн Праудз – на другом. А сверху – палящее солнце. Крик секунданта – и грудь Праудза взрывается

красными лохмотьями и кровью... *еще до того, как Мокси успевает выхватить свою пушку.*

Посыльный даже взвыл от удовольствия.

Все вокруг казалось ему гораздо более ярким и острым, чем было на самом деле: солнечные лучи, пронзавшие несущиеся по небу облака, поражали тревожащей душу ясностью и чистотой; земля, выбиваемая из тропы копытами лошади, выглядела живой, а величественные деревья, которые стояли по краям дороги, ведущей к дому Мокси, представлялись посыльному стенами коридора, в конце которого располагались королевские покои. Свежий утренний ветер наполнял легкие посыльного, а ведь это был ветер, обдувавший крышу, стены и окна дома, где жил знаменитый герой, ветер, шуршавший бумажными лентами, привязанными в огороде и отпугивавшими птиц, что норовили полакомиться томатами (так слышал посыльный), ветер, который хлопал деревянными воротами, скрывавшими всю собственность Мокси (и об этом слышал посыльный), и вздымал легкую пыль на тропе, что вела посыльного к дому местной знаменитости.

Дышать одним воздухом с Мокси, жить с ним одним днем – разве это не счастье?

– Обязательно спрошу, как он это сделал, – проговорил посыльный, трогая конверт с телеграммой, мирно притаившейся в кармане жилета. – Ей-же-ей, не упущу такой шанс!

Наконец деревья разошлись, и перед юношей предстали деревянные ворота (неужто те самые?). Дыхание перехва-

тило от восторга. А затем показался огород (неужели и это правда?) и, наконец...

— Черт побери! — едва ли не шепотом проговорил посланец. — Это же его дом!

Хотя дом, подумал он несколько разочарованно, ничем не отличается от того дома, в котором обитал и он сам.

И тем не менее было здесь некое *волшебство*!

Джеймс Мокси собственной персоной стоял на крыльце, прислонившись к дверному косяку, вытирал руки полотенцем и пристально всматривался в приближающегося к дому посыльного.

Тот застыл в своем седле.

Он что, знал, что я приеду? Как это возможно?

Юноша в волнении сглотнул.

Вот оно, волшебство!

Страх не отпускал посыльного все время, пока он ехал к воротам. Но увы, не так он это себе представлял, не об этом мечтал. В своем воображении он видел, как, привязав коня, взлетает по величественным ступеням царственного жилища к двери, украшенной золотым молоточком, а сзади, из клубящегося над лужайкой тумана, его провожают глазами мифические создания, не имеющие имени в человеческом языке.

А оказалось, что все это ничем не отличается от, скажем, того, как доставить телеграмму миссис Хендерсон, славной в Макатуне тем, что мастерски рубит дрова.

Герой Большой дороги, застыв неподвижно, стоял на крыльце своего дома. Ни улыбки на лице – вообще ничего, никакого выражения. Никаких приветствий. Застегнутая на все пуговицы знаменитая красная рубашка, приобретающая свой цвет, как воображал посыльный, от покрывавшей ее крови. Глаза укрыты под полями коричневой шляпы.

– Здравствуйте! – неуверенно проговорил посыльный, после чего поднял руку и помахал ею в воздухе, приветствуя хозяина. Мокси, не отвечая, продолжал вытирать руки.

Посыльный остановил лошадь у ворот. Может быть, теперь хозяин что-то скажет? Нет, молчание.

Ни слова не говоря, юноша сунул руку в карман жилета и вытащил конверт с телеграммой. Протянул Мокси.

– У меня телеграмма для Джеймса Мокси. Это вы, сэр? Ну конечно же, это вы. Я постарался привезти ее как можно быстрее.

– На этом ископаемом? Не верю.

Это были первые слова, произнесенные Мокси, но поначалу посланец не понял, что тот имеет в виду. Потом он посмотрел на своего коня и улыбнулся.

– Да, увы, сегодня он не в лучшей своей форме.

Мокси медленно сошел с крыльца.

Юноша спешил и привязал поводья к столбу ограды. Потом поднял защелку на калитке и вошел во двор дома. Им овладело совершенно необычное чувство – ведь он ступил ногой на чужую землю, землю, принадлежащую этому чело-

веку. Огород оказался справа. Края шляпы заслоняли лицо ее хозяина от солнечных лучей.

Посланец страстно желал видеть глаза Мокси. Он знал, что великому человеку почти сорок лет, а это почти два его собственных возраста. Как выглядит сорокалетний костер, если пламя его заключено в глазах мужчины?

– Мистер Кэдж сказал, это срочная телеграмма.

Когда посланец приблизился, угол, под которым падал свет, сместился, и он наконец увидел лицо Мокси.

Господи, – подумал посланец, – а ведь он ничем не отличается от любого другого.

Грубой лепки нос. Сильный подбородок. Над серыми, совершенно обычными глазами плавают темные брови.

Мокси протянул руку.

Посланец протянул ему конверт. А потом спросил:

– Как вы это сделали? Как вам удался тот выстрел в Абберстоне?

Мокси взял телеграмму, вынул из конверта.

Юноша нервно рассмеялся.

– Простите, что я спросил вас об этом, – сказал он. – Просто... ну, вы понимаете... эта история – лучшее из всего, что рассказывают вдоль Большой дороги.

Мокси глянул на сообщение. Теперь, под этим углом, он выглядел действительно как легенда, которой, собственно, и был. Когда он читал, глаза его, казалось, источали жар. Губы вытянулись в прямую линию, рассекавшую лицо. Посланцу

направилась эта реакция. А позади Мокси, на маленьком столе, стоящем в комнате, он увидел банку с чем-то голубым. Приглядевшись, юноша разглядел в банке булавоуску – не то бабочку, не то стрекозу.

Закончив чтение, Мокси положил листок с телеграммой на широкую балясину, служащую крыльцу перилами, и невидящим взором обвел огород, стоящую на привязи лошадь, громоздящиеся поодаль дома.

– Вам нужно, чтобы я отвез ответ?

Мокси не ответил. Ветерок налетел и принялся играть листком бумаги.

– Почтмейстер сказал, что это срочно, а потому я...

Мокси взглянул юноше в лицо, и тот прочитал в этом взгляде нечто ужасное: в такие-то моменты и происходят события, о которых потом слагают легенды!

– Так! Нужно собраться, – произнес вдруг Мокси.

Кому он это сказал? Посланцу? Нет. Просто сказал – ни к кому не обращаясь.

– Конечно! – произнес юноша. – Вам нужна моя помощь?

Не обратив на его слова никакого внимания, Мокси повернулся и, тяжело ступая по половицам, пошел в дом.

Вновь подул ветерок и принялся играть сложенным листком бумаги. Посланец схватил телеграмму и прочитал:

Джеймсу Мокси:

Кэрл Эверс умерла тчк.

Говорила что-то про свои состояния тчк.

Красива в смерти, как была красива при жизни тчк.
Похороны через два дня тчк.
Хэрроуз тчк.
Как я понимаю, вы знали ее тчк.
Фарра Дэрроу.

Едва дочитав до конца имя пославшего телеграмму, посланец краем глаза увидел красную рубашку хозяина дома – тот уже стоял перед ним.

– Простите, мистер Мокси, но я...

Но Мокси уже протягивал ему новый сложенный лист бумаги:

– Отправить по указанному адресу.

Посланец посмотрел на бумагу, потом на Мокси, вновь на бумагу, и только теперь до него начало доходить, что Мокси передал ему ответ на привезенную телеграмму.

– Ты прочитал, так?

Посланец едва не потерял сознание от страха.

– Нет... это... это ветер.

– Там сказано – два дня. Считать нужно с сегодняшнего дня или со вчерашнего?

– Нет, сэр! То есть да, сэр. С сегодняшнего.

Мокси склонился к нему. Лицо его было крайне серьезно.

– Ты уверен? – спросил он.

– Да, сэр. ДА! Телеграмма пришла ровно...

Мокси вновь вернулся в дом, после чего вновь вышел, уже с зеленым мешком.

– Вы уезжаете, мистер Мокси? – спросил посланец.
Тот не ответил.

...Говорила что-то про состояния...

– Может, нам по пути? – робко предположил посланец.
Мокси вновь исчез в глубине дома.

– Мне совсем не хотелось вас расстраивать! – воскликнул посланец. – Черт побери! И не собирался.

Но что бы ни говорил юноша, Мокси не слышал его взволнованных речей; умом своим он был слишком далеко, в далеком, двадцатилетней давности прошлом, когда он и Кэрол еще не находились под грузом воспоминаний, когда они все не имели их. Как ни болело у него на душе, но Мокси вновь оказался в том самом времени, рядом с Кэрол: вот они идут через белую зиму, каштановые волосы Кэрол уложены пучком на затылке, мило приоткрытый рот демонстрирует белоснежные зубы, а сама улыбка говорит об остром уме, который в те дни более всего был озабочен тем, что доктора говорили об ее ухудшающемся состоянии.

Мокси вышел из дома. Миновав колодец, пересек двор и оказался у конюшни. Внутри висел целый мешок корма. Мокси склонился над большой кормушкой и принялся насыпать корм, глядя, как та наполняется вровень с краями.

Это было для лошадей, на которых он не поедет.

Два дня, – подумал Мокси. Два дня – достаточный срок!

Мокси вновь пересек двор и оказался у колодца. Наполнил большое ведро и отнес его к конюшне. Действовал почти

автоматически – чтобы регулярно, изо дня в день делать то же самое, ум подключать не было необходимости. Потом он открыл ворота конюшни и взял под уздцы лучшую из своих лошадей.

Немолодая, но обладавшая тем, что Мокси было нужно более всего.

Выносливостью.

Мокси провел лошадь вокруг дома, привязал к главному крыльцу и вошел в дом с главного крыльца.

Банка с булавоуской исчезла. Чтобы понять это, не нужно было особо пристально вглядываться. Ясно, ее украл посланец. Маслянистые с виду, сияющие голубые крылья насекомого были в доме единственным цветовым пятном – первым, что бросалось в глаза. Конечно, это он, посланец, прихватил банку в качестве сувенира.

Ворюга!

Мокси прошел в спальню и вновь вышел на крыльцо. В руках его было одеяло и кривой металлический тычок для очистки лошадиных копыт. Взял зеленый мешок и подошел к лошади.

Потертое, но прочное седло было приторочено к стенке крыльца.

Свинский ворюга!

Мокси скатал одеяло и приторочил его к седлу, которое, в свою очередь, взгромоздил на лошадь.

В последний раз зашел в дом.

Чертов свинский ворюга!

На кухне Мокси прихватил хлеба, а во фляжку налил из кувшина воды. Оглядел в последний раз стены своего маленького дома и вышел.

Кэрол Эверс умерла. Точка. Говорила что-то про свои *состояния*. Красива в смерти, как была красива при жизни. Точка. Похороны через два дня. Точка.

Мокси взлетел в седло. Жаль, что посланец отправился не к северу – Мокси быстро бы его перехватил, с его-то старой клячей!

Но Мокси не имел права терять и минуты.

Два дня!

Мокси направился в сторону Большой дороги, чувствуя, как груз этих двух дней давит на его плечи и как время – словно притворившись воздухом – начинает утекать из его легких.

Траурный прием

Элеонор в своем обыденном платье пробиралась через группки стоящих гостей, наливала лимонад и кофе, одновременно удерживая в равновесии поднос с персиковым пирогом и бисквитным тортом. Когда с ней заговаривали, она односложно отвечала, большей частью соглашаясь с тем, что ей говорили: да, да... это ужасно... так молода...

Дуайт сидел в углу на высоком стуле, напротив возвышавшегося над столом фаршированного фазана, и приветствовал тех, кто пришел разделить с ним его горе. Его густые волосы были зачесаны назад, что разом изменило его обычный облик: беззаботный вид сменила угрюмая мрачность. Лицо его никогда не было чисто выбритым, и теперь густые седеющие усы нависали над щетиной, покрывавшей натянутую кожу его физиономии. Легкое брюшко поддерживал тугой черный жилет, из кармана которого свисала начинающая ржаветь цепочка от часов. Глаза его запали, чему виной были царивший в гостиной неясный свет, черный костюм и, как все прекрасно понимали, скорбь по жене, безвременно ушедшей в мир иной.

– Элеонор, – сказал он, когда девушка проходила мимо. – Дайте знать, когда вам потребуется что-то еще.

Элеонор кивнула. Поблизости находились гости, и Дуайт мастерски исполнял свою роль.

– Непременно, мистер Эверс, – ответила Элеонор. – Но, пожалуйста, не беспокойтесь о том, что нужно другим. У вас есть более важные заботы.

Дуайт задержал руку Элеонор в своих ладонях и кивнул. Рядом с ним стоял человек по имени Артур, специально нанятый распорядителем ритуала прощания. Не в первый раз работавший на Дуайта, Артур узнавал многих из присутствующих. Количество гостей его не удивило – Кэрол в Хэрроуз была женщиной известной и любимой многими.

У Эверсов был большой дом – стены каменные, в двадцать дюймов толщиной, покрашенные в лимонно-зеленый цвет, гармонировавший с цветом окружавшей его растительности. Прием проходил в гостиной, где на каминной полке размеренно тикали часы. Камин давно не использовался и зиял пустой черной пастью. Лучи солнца вливались в гостиную через высокие окна, шторы на которых были сдвинуты вбок и подвязаны. Кто-то из гостей бывал в этих комнатах и раньше, а кто-то нет, и Дуайт отчетливо видел разницу – по тому, как человек трогал пальцами шторы, изучал висевшие по стенам фотографии, разглядывал потолок гостиной. Даже укрытый саваном смерти дом вызывал удивление и восторг.

Гости один за другим останавливались возле камина, на котором рядом с часами стояла урна с прахом матери Кэрол, Хэтти, – словно она имела непосредственное отношение ко времени и даже управляла им.

Сама же Кэрол, пусть для всех она и умерла, продолжала

незримой тенью существовать в этом доме; ведь дом в конечном счете принадлежал ей, она заплатила за этот дом, она его украшала, в течение двадцати лет одухотворяла его своим присутствием...

Правда, Дуайт надеялся, что скоро тень Кэрол покинет это место навсегда.

Он повернулся и увидел незнакомку, которую сопровождал мужчина, также ему не знакомый.

– Мы искренне сочувствуем вашей потере, мистер Эверс, – сказал мужчина, прижимая к груди шляпу. – Такое горе!

Дуайт кивнул:

– Вы правы, уважаемый! Смерть – это ужасно. Даже тогда, когда умирают старики. Что же говорить о молодых?

Женщина взяла Дуайта за руку и сжала ее.

– Мистер Эверс! – проговорила она. – Если вам когда-либо потребуется женская помощь... потребуется то, что может сделать только женщина, дайте нам знать.

– Барбара! – прервал ее мужчина, щеки которого вдруг пошли красными пятнами.

Дуайт улыбнулся.

– Все в порядке, мой друг, не смущайтесь. Вы бы удивились, если бы узнали, сколько женщин уже предлагали мне помощь. В моем положении это вполне понятно.

Он обвел рукой комнату.

– Взгляните, – сказал он. – Все здесь – дело ее рук. От

канделябров и ковров до самого настроения этого дома.

Барбара нахмурилась.

– Не сегодня, естественно, – уточнил Дуайт. – Но раньше здесь всегда царило настроение... некой просветленности. И все благодаря Кэрол. Странно, что мы вообще использовали лампы. Но я благодарю вас за ваше предложение. Столь искреннее сочувствие – лучшая помощь в беде.

Артур поклоном показал, что обмен любезностями на этом можно завершить. Дуайт ничего не имел против, и парочка отошла.

Угощение и напитки пользовались успехом. Гости пространно говорили о своих личных делах и о смерти – в самом общем плане, но и имя Кэрол время от времени прорывалось через плетение словес, причем громко, а не шепотом, как то положено в день траура. Дуайт слышал это имя из разных уст. Слышал слишком часто, как, впрочем, и всегда – Кэрол неизменно была центром всеобщего внимания, отчего ее имя постоянно бывало на слуху.

– Мистер Эверс! – раздался мужской голос.

Перед Дуайтом вырос еще один джентльмен. Серая шляпа в руке.

– Я хотел бы выразить вам свои искренние соболезнования, – проговорил он. – Понимаю, что мои слова ничего не изменят, но я просто обязан напомнить вам, что ваша жена отныне обитает в мире, гораздо лучшем, чем этот.

Прежде чем ответить, Дуайт мгновение поколебался.

– Видите ли, сэр, – наконец сказал он, – мы с Кэрол никогда не были слишком, как бы вы это выразили, привередливыми. Относительно же существования рая, о котором вы только что изволили упомянуть, у меня имеются большие сомнения, и с каждым разом я нахожу все новые подтверждения своей правоте.

С самым мрачным взглядом, поджав губы, он отвернулся от своего случайного собеседника.

– Я прошу извинить меня, мистер Эверс, – сказал тот, – но я ни в коем случае не хотел оскорбить вас, тем более в такой день. Просто мы, то есть те люди, которых вы считаете... привередливыми... мы полагаем, что ваша жена ныне пребывает в лучшем из миров. И я уверен, что вам этот мир также откроется в свое время, и тогда вы поймете, что я был прав.

Дуайт кивнул, хотя выражение на его лице осталось неизменным, что давалось ему не без труда – изображая горюющего вдовца, он получал немалое удовольствие. Это было забавно.

– Не стоит извиняться, мой друг, – проговорил он. – Я тоже не хотел вас обидеть. Наверное, лучшее, что мы сможем сделать, чтобы примирить наши взгляды, это сказать, что усопшая была слишком молода. Есть ли бог на свете, нет ли бога, но в любом случае смерть – это самое ужасное, что есть в жизни.

Незнакомец закрыл глаза, сочувственно улыбаясь.

Неожиданно появился Артур и увлек его прочь. Дуайт заметил, что к нему подходит Патриция Джонс – она была следующей в выстроившейся к нему очереди.

– Патриция...

Та взяла руку Дуайта в свои ладони.

– Мне так жаль, Дуайт, – проговорила она.

Дуайт печально улыбнулся.

– Поверите ли вы мне, – сказал он, – но только этим утром один человек сказал мне, что мужчина не имеет права переживать свою жену и обязан уйти первым?

Глаза Патриции слегка расширились.

– Странно, что кто-то так высказался, да еще в такой день, – произнесла она, покачав головой.

– Да, но не исключено, что он был прав. Вам дан великий дар выводить на свет новые поколения, но за это вы расплачиваетесь одиночеством после смерти ваших мужей.

Патриция прищелкнула язычком.

– Какие мрачные мысли, Дуайт Эверс! Хотя понять вас можно.

Склонившись, она коснулась поцелуем его щеки и быстрым движением тронула руку, после чего, отступив, растворилась в толпе. Ее место занял еще один незнакомый Дуайту джентльмен.

– Мистер Эверс, – начал он. – Мое имя Джеффри Хьюз. Мы с вами до этого не встречались, и я искренне сожалею, что наше знакомство происходит в подобных обстоятель-

ствах. Но позвольте мне сказать, что я являюсь горячим поклонником вас как незаурядного бизнесмена, и мне кажется, что человек вашего статуса в столь трагические минуты может найти утешение в своем призвании.

Дуайт нахмурился. Вероятно, незнакомец не знал, что как раз своего-то дела у Дуайта не было.

Он бросил беглый взгляд на урну с прахом Хэтти. Вот он, источник денег, которыми располагала Кэрол. Снова, в который раз, Хэтти.

– Мистер Хьюз, мне тоже очень жаль, что наша первая встреча происходит в столь печальной обстановке, сразу же после того, как моя жена умерла. Что же касается вашего замечания, то в жизни я руководствуюсь сердцем, а потому житейский успех, о котором вы говорите, кажется мне глупостью, недостойной зрелого человека.

– О, я нисколько не сомневаюсь в этом, мистер Эверс. Но, вероятно, и в этот мрачный час вы способны зажечь свечу, призванную выхватить из тьмы то хорошее, что есть в вашей жизни. Немногие из живущих могут похвастаться, что в жизни им сопутствовал столь же значительный успех.

При упоминании свечи Дуайт вновь подумал о том тревожном мерцании, что возникло перед его мысленным взором накануне ночью, когда он покидал дом распорядителя похорон. Это мерцание было мыслью – мыслью, что он забыл о чем-то. О чем-то очень важном.

– Мистер Хьюз! Мы встретились в самый черный для ме-

ня час, и я ничего не знаю о свече, про которую вы говорите. Тени, которые вы имеете в виду, совершенно заслонили от меня мир, где играют дети, а обычные прохожие под лучами летнего солнца кланяются и приветствуют друг друга. Солнце для меня погасло вчера вечером, и час пробил... и раскаты грома потрясли мой дом... и зазвенели стекла... и содрогнулась мебель... и чернейший мрак окутал меня. Спальня, где она лежала, погрузилась в темноту... все, что нас связывало... простая бахрома на диванных подушках... ткань занавесок... вещи, более значительные... хотя и менее заметные... звук ее шагов в гостиной... мягкий шелест волос, по которым скользил ее гребень... атмосфера, которую она создавала вокруг себя, подобная клубам пара, вздымающимся над печной трубой... все это вздрогнуло и исчезло, поглощенное тенью, о которой возвестили часы, пробившие тягчайший, самый черный в моей жизни час. Но и в тот момент, мистер Хьюз, хотя я уверен в благородстве ваших мыслей, я не видел никакой свечи. Нет! Столь черный час по определению не таит в себе света.

Артур кивнул мистеру Хьюзу, давая понять, что тому пора бы и отойти.

Следующим в очереди Дуайт заметил юношу, сжимавшего в руке сложенный листок бумаги.

– Что это? – спросил Дуайт, признав в юноше работника почты.

– Телеграмма для девушки, которая работает в вашем до-

ме, мистер Эверс. Из Макатуна.

И вновь перед мысленным взором Дуайта вспыхнул огонь. Он колебался. Словно под напором ветра.

– Ну что ж, посмотрим, что там.

Молодой человек подошел и протянул листок. Дуайт развернул его и, поднеся к самому лицу, прочитал:

Мисс Фарра Дэрроу.

Остановите похороны. Тчк.

Она не умерла. Тчк.

Я в пути. Тчк.

Джеймс Мокси.

Целая гамма чувств – и все отвратительные – отразилась на лице Дуайта. Именно так чуть позже объяснил все это своей жене Уильям Мут, чья очередь подошла следующей.

– Это было ужасно, Марта! – говорил он. – Беднягу все-го скрутило: он попытался встать, потом сел, перечитал телеграмму, оглядел гостиную, руки его сжались в кулаки, после чего снова захотел встать, но, видимо, не смог. И все так медленно! Что бы он там ни прочитал, это были дурные новости – гораздо хуже всего, что ему пришлось вынести за последние дни.

Некоторое время Дуайт сидел спокойно, сложив руки на коленях.

– Я думаю, я на некоторое время покину вас, Артур, – сказал он наконец.

– Конечно, – кивнул стоящий рядом.

Опершись на руку Артура, Дуайт встал, тронул того за плечо и попросил на несколько минут задержать посланца, принесшего телеграмму. Потом пошел через толпу, слыша то тут, то там имя своей жены, произносимое кем-нибудь из гостей. Дамы провожали его глазами, отмечая, насколько он постарел. Многие отирали заплаканные глаза шарфиками. Некий человек, встреченным им по пути, отошел в сторону, и Дуайт кивком поблагодарил его, после чего узнал в нем шерифа Опала.

– Шериф! – произнес Дуайт, протягивая руку. – Как же замечательно, что вы пришли!

– Кэрол была одной из самых замечательных женщин Хэрроуза, мистер Эверс!

– Самой замечательной!

– Согласен!

Опал, перед тем как продолжить разговор, сглотнул.

– Похоже, слишком много людей умирают в последнее время. Болезнь! Куда от нее денешься? Вы не будете возражать, если я спрошу...

– Нет, шериф! Здесь причиной было слабое сердце.

Опал, не отводя глаз, кивнул.

– Ну что ж, – сказал он. – Вы ведь куда-то направлялись. Не буду вас задерживать.

И отошел в сторону.

Дуайт двинулся дальше, по-прежнему ловя обрывки разговоров.

– Беда его совсем сломила, – говорила одна дама.

– Он потрясен до глубины души, – шептала другая.

Дуайт вышел из гостиной и оказался в коридоре. Подошвы его башмаков выбивали ритм, напоминающий стук телеграфного аппарата. Дуайт добрался до кухни и вошел. На столах были расставлены подносы с печеньями, ломтями свежеиспеченного хлеба, виски и лимонадом – резервы, мобилизованные Элеонор. Дуайт взял высокий стакан и плеснул себе виски, после чего с тем же отсутствующим видом, который отметили в нем дамы, несколько странной, но твердой походкой прошел к двери старого подвала. Не оглядываясь, повернул ручку двери; прихватил стоящую на приступке свечу в подсвечнике, зажег ее и по отчаянно скрипящим ступеням принялся спускаться вниз. Осторожно ступая, он вспоминал лица, мелькавшие перед его глазами этим утром – некоторые знакомые, а некоторые нет. Прокручивая в памяти разговоры, вспомнил жалкую попытку одного из гостей завязать дружбу попрочнее, чем обычное знакомство. Вспомнил и дочерей доктора Уокера, восьми и десяти лет от роду, с волосами, уложенными специально для приема. Воздух в гостиной настолько уплотнился от соболезнований, что, казалось, можно было задохнуться, но теперь эту некогда теплую комнату заливал холод: холод мыслей о смерти, о бренности человеческого существования, о необходимости в скором будущем навсегда расстаться с любимыми, столь хрупкими, и надеть ту же самую маску скор-

би, которую носит на своем лице Дуайт. А, может, и маску смерти. Дуайт слышал приглушенные печальные голоса, доносящиеся сверху через переплетенные балки перекрытий, которые потрескивали от веса передвигавшихся по гостинной людей. Голоса доносились глухо, и имени усопшей было не разобрать...

Кэрол...

...нет, не слышно...

Кэрол...

...нет...

Стены и потолок подвала были погружены во мрак, и только узенькая полоска под ногами Дуайта была выхвачена из темени пламенем свечи. В подвале было страшно холодно, но Дуайта это нисколько не беспокоило: задерживаться здесь он не собирался, да и холода не чувствовал – температура его собственной крови была, как ему казалось, ненамного выше температуры воздуха.

Дуайт вошел в убежище, которое было несколько лет назад построено по распоряжению Кэрол – Хэрроуз частенько становился жертвой ураганов и торнадо. Каменные стены убежища толщиной не уступали стенам самого дома, от пола шел холод, а в центре стоял каменный стол, который служил бы им, если бы семье пришлось спуститься в подвал, спасаясь от дурной погоды.

Водрузив подсвечник на край стола, Дуайт достал спичечный коробок. Отошел к стене и, чиркнув спичкой о поверх-

ность камня, зажег ее. Комната, словно ожив, осветилась неровным мерцающим светом. Дуайт зажег свечу в закрепленном на стене серебряном канделябре, после чего, продвигаясь по окружности, зажег и прочие свечи в убежище, полностью осветив его.

После этого он повернулся к своей жене, которая лежала на каменной поверхности стола. Отблески света играли на мягких линиях ее лица. Дуайту показалось, что глаза Кэрол открыты, а уголки губ приподняты в улыбке – жизнь словно струилась по поверхности ее лица.

И вдруг еще одна пугающая мысль посетила Дуайта – почти такая же пугающая, как телеграмма от Джеймса Мокси.

Фарры нет на траурном приеме. Почему?

Он глянул через плечо на темную дверь убежища. А вдруг из темноты сейчас с криками выскочит либо Джеймс Мокси, либо Фарра Дэрроу, с глазами, вывалившимися из орбит, с пистолетом в руке, и примется палить в лжеца-вдовца? А потом и шериф Опал неторопливо войдет в комнату.

Слабое сердце, говорите, Эверс? Так почему же оно бьется?

Дуайт подошел к столу, на котором лежала Кэрол, и уперся пряжкой ремня в его кромку. Как сильно отличалось сейчас выражение его лица от того, что несколько минут назад гости видели наверху! Он склонился над телом жены и несколько мгновений изучал, после чего сунул руку во внутренний карман сюртука и вытащил ручное зеркало. Поднес

зеркало к лицу Кэрол и попытался определить, сколько времени требуется, чтобы оно запотело.

— Дыши, — сказал он спокойно. — Но только не просыпайся.

Дуайт приник к уху Кэрол. Он знал, что в состоянии комы она все-таки способна слышать. Знал, что слышит его и сейчас.

— Можешь ли ты себе представить, насколько тесно тебе будет, когда ты проснешься? А как тебя будут оставлять силы? Мне очень жаль тебя, Кэрол! Это правда!

На ум Дуайту пришли слова *погребена заживо*, и он вновь подумал о шерифе.

Фарра написала Джеймсу Мокси. Что же она сообщила этому преступнику?

Ужас вновь овладел Дуайтом, сковав его кости и превратив кровь в лед. Словно мало ему было телеграммы от Мокси с ее недвусмысленным содержанием.

Не умерла.

Это означало, что давний возлюбленный Кэрол, этот преступник с Большой дороги, чувствовал настоятельную необходимость сообщить Фарре, что Кэрол жива. Стало быть, Фарра писала, что Кэрол умерла. Ну что ж, это дает кое-какую надежду.

Но как это Дуайт просмотрел Джеймса Мокси? Когда же Кэрол в последний раз упоминала его имя?

Глядя в лицо жены, Дуайт вспомнил тот момент предельно точно. Это было сразу после того, как она рассказала ему

о своих приступах.

– Ну, теперь и ты убежишь от меня, как это сделал Джеймс Мокси, – сказала она.

Мокси и был виноват в том, что Кэрол держала свою болезнь в тайне. Мокси испугал ее своим поспешным бегством. На самом пике первой любви, совсем юной любви он предпочел Большую дорогу необходимости заботиться и оберегать женщину, которая слишком часто умирает.

Кэрол рассказала Фарре о Мокси. Почему?

Как хочется взять подушку и плотно прикрыть лицо Кэрол.

Все произойдет так просто и так быстро, и не нужно будет волноваться по поводу того, что она может пробудиться, по поводу Мокси и того, что он сделает, когда прибудет в Хэрроуз.

Он что, действительно приезжает? Прямо сейчас?

Дуайт склонился над лицом Кэрол.

– Нет, – сказал он. – Мокси станет задавать вопросы. Попросит показать, нет ли на внутренних стенках гроба царапин. Они откопают ее, станут проверять, не задушена ли она. *Не умерла*, – написал он. Но откуда тебе знать, спрошу я.

Не умерла.

Несколько коротких слов из телеграммы Мокси заставляли его кровь стечь в жилах.

С минуту Дуайт изучающе смотрел в лицо Кэрол, после чего вновь подошел к стене и принялся задувать свечи – в

обратном порядке. С каждой погашенной свечой темнота воцарялась в комнате, и свежие тени ложились на черты лица Кэрол. Медленно и почти бесшумно Дуайт обошел комнату, отпугивая крыс скрипом своих башмаков. Наконец, взяв подсвечник, с которым пришел, он покинул убежище.

Сейчас Дуайт пойдет наверх и займет свое место рядом с Артуром, которого оставил занимать гостей. Но перед этим он пойдет в кухню, вытащит из ящика чистый лист бумаги и напишет на нем следующие слова:

Лафайетт!

Вы мне нужны.

После этого Дуайт покинет кухню и передаст письмо посланцу, который его ждет, да еще сопроводит свою просьбу парой монет, чтобы тот бодрее поспешил к адресату. А еще Дуайт попросит его вернуться и подтвердить, что письмо доставлено.

Я в пути, пишет этот Мокси. Какая самонадеянность!

Ведь Лафайетт знакома со многими людьми, *опасными людьми*. И не хуже Мокси знает, что к чему на Большой дороге.

Смок

Смок доковылял до сломанного экипажа, перекрывшего Большую дорогу, и помочился на его колесо. Нынче его занесло далеко на юг, в места между Макатуном и Бейкером, за много миль от нарядных городов, где можно было бы неплохо развлечься, но Смок не относился к тем головорезам, которые более всего ценят женщин, виски и карты. Для него источником настоящего наслаждения была сама Большая дорога – многие и многие мили пути, с обеих сторон затененного деревьями, чьи ветви иногда наклонялись так низко, что даже джентльмены бывали вынуждены иной раз снять шляпу. У Смока не было шляпы. Причем не было никогда. Редеющие светлые волосы, словно пальчики детей, которые – он знал это доподлинно – пугались одного его имени, шевелились на его черепе. Он не стал отирать пот, собравшийся каплями на лбу. Пусть ему будет жарко. Пусть он даже горит. Сломанный экипаж – это очень интересно. Это весьма занятно! Несчастный случай вносил разнообразие в события его жизни. А он так жаждал разнообразия!

Закончив свои дела, Смок застегнул штаны и, сунув руки в карманы, нащупал там веревочные петли. Обычные веревки, которые можно купить в любой лавке, опускались из карманов по всей длине его ног к запыленным башмакам, где были привязаны к небольшим, но плотно закрывающим-

ся клапанам, которые Смок легко мог открыть, потянув за спрятавшиеся в карманах петли.

Потянет – и раздастся легкий хлопок, словно открыли бутылку вина. Скрипнут миниатюрные петли, и польется из клапанов горючка, до этого плескавшаяся в его оловянных протезах, в его фальшивых ногах, заменивших Смоку когда-то потерянные голени.

Головорез, каких нигде не сыскать. Необычен даже для местных – настолько, что сам Эдвард Банни предпочитает не пересекаться с ним. И вообще, на Большой дороге, где даже в самый солнечный день царит полумрак, есть много местечек, где таятся лихие люди.

А Смок – лихой человек. Скверный человек. Вопреки толкам, что, мол, на Большой дороге есть вещи и похуже людей, Смок – самый ужасный из персонажей местного фольклора. Горючка Смок – так зовут его немногочисленные знакомцы. Это оттого, что от него всегда пахнет горючкой. А может, и еще от чего-нибудь.

Выкрашенный в голубое экипаж лежал на боку. Моча, стекая по трещине в корпусе, образовала у ног Горючки Смока лужицу, которая показалась ему похожей на профиль президента Копперсмит. У президента Копперсмит, как и у тех, кто занимал эту должность до нее, так и не нашлось средств обуздать Большую дорогу. А потому, как и ее предшественники, она попросту закрыла глаза на царивший там ужас. В этих условиях городам, подобным Хэрроузу и Макатуну, не

оставалось ничего другого, кроме как самостоятельно защищать себя, нанимая для этих целей мужчин и женщин, способных обнажить оружие и встать на сторону закона.

Некоторым удавалось это делать, некоторым – нет. И Смок, как большинство местных головорезов, знал, что на Большой дороге, подальше от городов, царит полное беззаконие.

Теперь Смок, провернув кое-какое дельце в Макатуне, направлялся на север, а этот разбитый экипаж заблокировал ему путь, перекрыв Большую дорогу по всей ширине. Ни обойти, ни перелезть через обломки Смок был не в состоянии: оловянные протезы – это вам не живые ноги из мяса и костей.

Но выбора не было, и нужно было карабкаться.

Одна из белых лошадей, впряженных в экипаж, была насмерть задавлена его передком. Другая дергалась и хрипела, прижатая колесом к стоящей на обочине иве. Глядя на Смока, она словно молила помочь ей, явно понимая, как близка была ее судьба судьбе возницы, который неподвижно лежал рядом с ней, уткнувшись лицом в землю. Второго возницу отбросило дальше, вперед по дороге, и, хотя Смок был не в состоянии встать на цыпочки и посмотреть (встать было просто не на что, поскольку он не имел ни лодыжек, ни пальцев на ногах), ясно было, что этот второй тоже мертв – головой он аккуратно вписался в дерево, стоящее на краю дороги. Обломки дерева, рваные занавески, драгоценности

и перчатки, багаж и одежда – все это лежало разбросанным на несколько метров вокруг. Да, несчастный случай. Хотя – для кого как!

– Черт бы вас всех побрал, – пробормотал Смок. – И как тут быть инвалиду?

Хотя он лукавил – ему приходилось перебираться и не через такие завалы.

Перераспределив вес своего тела так, чтобы опереться на левый протез, и слыша, как в его полости булькает горючка, Смок перегнулся в поясе, заглядывая в треснувшее стекло дверцы экипажа.

Неожиданно с внутренней стороны появилась окровавленная ладонь. Кто-то явно был зажат внутри.

– Вот как? – пробормотал себе под нос Смок. – Кто-то до сих пор жив!

Несколькими минутами ранее он стоял на обочине, прислонившись спиной к иве и считая порхающих с ветки на ветку кардиналов. Проведя на Большой дороге всю свою жизнь, Смок знал по имени всех, кто когда-либо вздымал на ней пыль, – преступников, головорезов, законников, врачей, собак. Он знал, что если долго ждать, то Большая дорога обязательно сделает человеку подарок – что-нибудь занимательное. Поэтому, когда он услышал стук колес экипажа, то не был удивлен. Большая дорога была единственным путем, соединявшим округа Укатанани и Мискалуса. Иногда, сидя в лесной чаще, в тени ив и сосен, Смок отстеги-

вал свои оловянные протезы, закатывал брючины своих запыленных штанов и, вдыхая пропитавший их запах горючки, засыпал. Иногда этот запах будил его. Важно было одно – чтобы горючки было в избытке. И сегодня как раз выдался такой денек. Смок только что прикрутил протезы на место, опустил брючины, а тут, словно по заказу, и появился голубой экипаж, запряженный двумя роскошного вида белыми лошадьми.

Лошади не знали, что на дороге впереди их ждет ловушка.

Смок увидел, как ноги лошадей провалились, увязнув в предательском дерне, экипаж, не способный остановиться, содрогнулся от передка до задней части, вздыбился и начал разваливаться. Смок с ухмылкой отметил ужас, написанный на физиономиях возниц, которых мощной инерцией выбросило на дорогу, услышал душераздирающий крик пассажиры.

И все стихло.

Смок подождал, пока осядет пыль. Как же ему нравился звук разлетающегося в щепу дорогого дерева! Славное топливо для доброго костра!

Теперь же, рассматривая прижавшуюся к стеклу окровавленную ладонь, Смок, обращаясь к ее обладательнице, почти запел:

*Сидит красотка-леди в голубой карете,
Красотку я случайно на дороге встретил.*

*Да вот не обойти карету, хоть ты плачь!
Придется лезть наверх, хоть я и не циркач.*

Нет, Горючка Смок не станет проламываться сквозь кусты на обочине. Не с его протезами подвергаться такому риску. Однажды он увяз по колено и думал уж отстегнуть свои фальшивые ноги, но на его счастье по Большой дороге проезжал патруль и помог ему. Как мастерски он сыграл роль убогого калеки! Но сегодня, когда он только что сжег дотла дом в Макатуне, рассчитывать на чью-то помощь было и глупо, и опасно.

– Помогите!

Женщина, зажатая внутри экипажа, отчаянно билась о стекло.

Тянувшиеся вдоль бедер кожаные ремни, которыми Смок крепил протезы к телу, он время от времени использовал как рычаги. Так и теперь, потянув за один из них, Смок поднял правую ногу и утвердил башмак на карнизе треснувшего окна. Горючка плескалась в полый оловянной голени. Почувствовав, что обрел надежную точку опоры, Смок протянул руку к декорированной кромке крыши, достаточно крепкой для того, чтобы можно было ухватиться и подтянуться. Подтянулся.

– Помогите! Я здесь!

Смок добрался до верхней точки своего маршрута, проложенного по поверхности поверженного экипажа. Но спус-

каться вниз ему было всегда труднее, чем подниматься.

Утвердившись понадежнее, он сунул руки в карманы и ухватился за веревочные петли. Потянул.

Хлопок открывающихся клапанов.

Этот звук всегда был мил его сердцу.

Горючка стала растекаться по поверхности экипажа.

Смок проследил, как ее ручейки, осветленные скуными лучами солнца, текут по направлению к мертвому вознице, переливаются через его тело, добираются до лица и заливают нос. Смок переместился чуть выше и принялся лить горючку из правой голени на сломанное заднее левое колесо экипажа.

– Помогите! Я здесь! Помогите!

Окровавленная ладонь билась и билась в стекло.

Горючка параллельными ручейками стекала по ободу колеса и капала на землю.

– Что это? – закричала женщина. – Это что, горячее? Я чувствую запах...

Смок отпустил петли, прятавшиеся в его карманах, и услышал щелчки – клапаны закрылись. Передвигаясь с предельной осторожностью, он добрался до края корпуса экипажа, прикинул расстояние до земли.

– Помогите! Я здесь, внутри! Вы что, меня не слышите?

Смок закрыл глаза, задержал дыхание и сверзился вниз.

Когда он приземлился, кончики его культей взорвались болью, попутно послав ее в позвоночник. Горючка Смок взвыл. Попытался сдержать крик, но не смог.

Превозмогая боль и чувствуя, как капли крови, выбитые из культей, стекают по олову протезов, заковылял на негнущихся ногах в северном направлении. Из рта его потекли звуки новой песни. *Кто знает, кто встретит тебя на дороге!* Смок сунул руку в нагрудный карман своей кремового цвета рубашки и достал оттуда маленький коробок. *Кто знает, куда ты в карете летишь!* Открыв коробок, свободной рукой Смок стер пот со лба и продолжил: *Кто знает, что будет в конечном итоге!* Достал из коробка спичку.

Кто знает, насколько ты быстро горишь!

Чирк – и вспышка.

Смок швырнул спичку через плечо.

Раздалось шипение и – **ВЖЖЖИИИ!!!**

Позади столб огня взлетел к верхушкам деревьев, и Смок знал, что костер получился на славу. И он похромал на север, к тамошним безумным городам, как один запечатленным в его памяти – в деталях, словно на самой точной карте: со всеми их борделями, сапожными мастерскими и кирпичными домами, торчащими на аллеях и улицах. И он действительно словно странствовал по листу бумаги, по настоящей карте, или по карточкам, которые Эдвард Банни держал в кармане своего серого пальто, когда, выйдя на Большую дорогу, охотился за местными преступниками. И, слыша крики, треск и шипение позади, Смок представлял, что это не огонь пожирает дорогое дерево экипажа, не погибающая вопит в последних усилиях выбраться из смертельной ловушки, не ко-

жа ее вздувается и лопается от жара, а сам он оставляет отпечатки ног на тех картах, которые в разное время видел в кабинетах разных шерифов окрестных городов.

Из того же кармана, где он держал спички, Горючка Смок извлек сложенный листок бумаги и прочел написанное на нем имя.

ДЖЕЙМС МОКСИ

Присвистнул, так что его свист слился со звуками плававшего позади костра.

Мокси был самой значительной фигурой из всех, ради которых Смока когда-либо нанимали.

И до этого легендарного человека было рукой подать.

Горючка Смок ковылял вперед и вперед. Жечь по заказу было способом существования. А жечь ради собственного удовольствия было самой жизнью.

Кэрол в коме

Имя *Мокси*, произнесенное Дуайтом, прозвучало так громко, что почти заглушило все последующие слова. Неужели в Воющем городе слова, наделенные большим эмоциональным грузом, звучали громче?

Не оставалось никаких сомнений в том, что Дуайт желал и желает ее смерти. И хотя Кэрол в отчаянии пыталась убедить себя в том, что никаких знаков, подтверждающих это, она раньше не видела, что Дуайт никоим образом не давал ей понять, как он несчастлив в браке, она вынуждена была признать, что дело обстоит именно так.

Открывшееся Кэрол знание сделало еще черней ночь, сквозь которую она продолжала падать. А импульс страха, пронзивший ее, был подобен неукротимой голубой молнии. Никогда она не бывала так напугана – даже в свои восемь лет, когда ей, не понимающей ничего, пришлось впервые пережить состояние комы.

И никогда прежде она не бывала так одинока.

Теперь ей стало очевидно и многое другое – она перебирала воспоминания и увязывала их с тем, что открылось ее внутреннему взору. Дуайт действительно менялся все это время. Стал резким и отчужденным. Изменилась и манера, с которой он говорил – его степенную раскатистую речь вытеснил набор отрывистых реплик. И, конечно, возмутитель-

но много времени он проводил с этой женщиной... Лафайетт. Эта покрытая морщинами дама была известна своими темными делишками и связями с разными проходимцами, что обитали на Большой дороге, а также нравом подлым и грубым. Кэрол, которая отвечала за все деловые отношения семьи Эверсов, давно поклялась не иметь с этой женщиной ничего общего. И тем не менее Дуайта к ней тянуло! Понятно, не в сексуальном смысле. Лафайетт была не краше хавроньи, нежащейся в грязи, и тем не менее что-то Дуайта в ней *привлекало*. И теперь, проваливаясь в темноту, Кэрол понимала, что ей следовало уделять его отношениям с этой женщиной больше внимания – как и с другими людьми, которые почему-либо занимали ее мужа.

Мокси!

Это имя прозвучало в сознании Кэрол подобно удару молнии, но и оно не смогло успокоить вибрирующие нервы несчастной. Потому что чем глубже она падала, тем невероятнее казалась ей возможность хоть что-либо предпринять. И имя бывшего возлюбленного лишь усиливало ее смятение, делало гуще тени, окружавшие ее в Воющем городе.

Дуайт.

Лафайетт.

Похороны.

Мокси.

То, как об этом говорил Дуайт, дало ей понять, что Джеймс – в пути. Похоже, он знает, что она не умерла.

Как ни была напугана Кэрол, интуиция подсказывала ей: Дуайт получил какие-то известия о Мокси. Может быть, телеграмму? И в ее сознании неугасимым пламенем горел вопрос: а как Джеймс узнал о ее «смерти»?

Может быть, из извещений, которые в таких случаях вывешивали в каждой конторе Хэрроуза?

КЭРОЛ ЭВЕРС УМЕРЛА

Должно быть, всем так и было объявлено. А может быть, все уже знают и о предстоящих похоронах? Плохие новости быстро расходятся, дошли они и до Джеймса, а он...

И что – он?

Черный ветер, спутник ее падения, завывал в ушах Кэрол, а она вспоминала Джеймса – таким, каким он был тогда, когда покинул ее, отправившись на Большую дорогу. Когда принял решение оставить Кэрол, забыть свою *любовь*, когда испугался лицом к лицу встретиться с правдой.

Кэрол давно примирилась с этим. Да, нельзя полагаться на людей. Даже лучшие из них способны на предательство. И, каждый раз проваливаясь в хаос Воющего города, она вспоминала об этом.

Там нет ни шерифа, ни законов.

И она вновь слышала голос Хэтти:

Нельзя ни на кого полагаться, Кэрол. Даже в том случае, если кто-то готов помочь. Ты обретишь там покой. Или

тобой овладеет ярость. Так или иначе, и покой, и ярость будут принадлежать тебе и только тебе. И из этого обязательно что-то получится.

Муж Кэрол собирается убить ее, а ее ненадежный возлюбленный наверняка опоздает и не сможет ей помочь. И в том, что Кэрол не сможет обрести покоя, ее вины не будет. Не тот случай.

Кроме голоса мужа она слышала и иные звуки. Уже некоторое время над ее головой поскрипывал пол гостиной. В состоянии комы ей трудно было ориентироваться во времени, но то, что люди собрались там не на одну минуту, было очевидно. Сколько их там, наверху? И думает ли хоть кто-то из них, что сейчас происходит у него или у нее под ногами, в подвале дома?

Они пришли проститься с тобой. Это голос Боуи. И это правда.

Правда взорвалась в сознании Кэрол, окутав ее еще более густыми тенями.

Есть ли наверху хоть кто-нибудь, кто способен ей помочь? Хоть что-нибудь заподозрить?

Шериф Опал! Кэрол попыталась произнести это имя, но губы ее пребывали в неподвижности.

Наверняка любимый всеми горожанами шериф стоит наверху и любезничает с какой-нибудь, еще живой, дамой.

Ярость, овладевшая Кэрол, на мгновение притупила ее чувства. Хэтти могла бы гордиться своей дочерью.

Хэтти, – подумала она, и мысли ее, словно приглушенные голоса, прозвучали в ее сознании. – Джон. Помогите мне. Научите, как мне вновь обрести способность двигаться. Как остановить это падение? Вы изложили мне с сотню разных теорий. Расскажите еще о чем-нибудь. Может быть, хотя бы одна сработает?

О, как хотелось Кэрол выбраться из Воющего города, подняться в кухню, а оттуда – в гостиную, и предстать перед собравшимися там людьми, стряхивая с себя остатки комы, как стряхивают прилипшие комья земли с умершего, извлеченного из могилы.

– Я не умерла! – сказала бы она. Ведь именно это Джеймс, вероятно, написал Дуайту. Не умерла! И выражение скорби мигом спадет с лиц скорбящих, и шериф Опал подойдет к Дуайту и крепко возьмет того за руку.

Одним из опытов, которые Хэтти проводила над Кэрол, когда та была еще подростком, был опыт, который она называла Луч Света. Стоило Кэрол впасть в кому, как Хэтти брала свечу и уходила с ней в угол комнаты, где стояла минут пять, после чего переходила в другой угол, потом в третий и, наконец, в четвертый. Затем приближалась к дочери на шаг, потом еще на один. Когда же Кэрол возвращалась к нормальной жизни, мать спрашивала ее, не видела ли та, пребывая в коме, свет, падающий от свечи. Если бы дочь видела свечу – под определенным углом, с определенной точки, – тогда, размышляла мать, они могли бы, зацепившись за это как за

исходную точку, двигаться дальше.

Но в Воющем городе не было света.

Никогда.

Свои идеи были и у Джона Боуи.

– Так как Воющий город, – говорил он, – всего лишь абстракция, плод ума, не могли бы вы... просто представить дверь, ведущую наружу?

Вот в чем была разница между тем, как подходила к состояниям Кэрол мать и что о них думал Джон Боуи. Та, пребывая в рамках предметных представлений, надеялась просто *построить лестницу*, ведущую из Воющего города в обычную жизнь. Джон Боуи же оперировал более абстрактным понятием духовного «кинесиса». Но один способ был ничуть не лучше другого.

И тем не менее Кэрол не сдавалась.

Она вспоминала времена, когда Джеймс Мокси был молод, они были вместе, и Кэрол надеялась тогда, что вдвоем им удастся подчинить ее кому своей власти.

Теперь, как она знала, Мокси живет в Макатуне. И, все глубже погружаясь в хаос Воющего города и слыша, как свистит в ее ушах ветер смерти, она понимала, что, как бы ни торопился Джеймс ей на помощь, дороги оттуда – на два дня.

Успеет ли Джеймс явиться до того, как Дуайт предаст ее земле?

Шериф Опал!

Но губы ее оставались сомкнутыми. Чувствуя, как волна

ярости заливает ее душу и неподвижное тело, Кэрол заставила себя оставить всякую надежду на помощь некогда покинувшего ее возлюбленного.

Вдох, выдох. Вдох, выдох. Ритм хриплого дыхания – как часы, отмеряющее ее время в Воющем городе.

Вдох.

Выдох.

И в перерыве между этими судорожно-мучительными движениями легких Кэрол сделала очередную попытку.

Попытку пошевелиться.

Мокси на Большой дороге

Девять лет...

Слова явились неожиданно, и слова причинили боль. Девять лет назад Мокси оставил Большую дорогу. Девять лет назад он в последний раз, влекомый зовом свободы, вышел на поиски приключений под лучи утреннего солнца. И все эти годы – равно как и годы предшествующие – мысль о Кэрол не покидала Мокси. Эта ее кома, в которую она так неожиданно впадала, эти ее состояния, столь похожие на смерть! Стоило Мокси подумать об этом, как сердце его начинало учащенно биться.

Именно эта *видимость* смерти, это неподвижное тело женщины, которую он желал более всего на свете, – вот с чем юная душа не смогла совладать. Вот что заставило его броситься без оглядки в объятия Большой дороги. И именно на Большую дорогу, туда, где имя его стало легендой, в которую он верил сам, Мокси отправился этим утром.

А есть ли у тебя в запасе волшебные трюки? Способен ли ты творить чудеса?

Мысли, посещавшие человека на Большой дороге, были всегда ярче, чем обычно, грандиознее, и ими было не так просто управлять.

Пятнадцать лет...

Именно пятнадцать лет назад Мокси покинул Хэрроуз.

Имя этого благополучного городка пробудило множество воспоминаний, по большей части мирных. Именно здесь Мокси, на пару со своим приятелем по верховым прогулкам, Джефферсоном, провел свою беззаботную юность – среди этих ив они танцевали с юными горожанками, наслаждались молодостью, вином и свободой.

Хотя о какой свободе можно вести речь? Разве может чувствовать себя свободным человек, оставивший свою возлюбленную только потому, что она была нездорова? От чувства вины так непросто освободиться.

При слове *возлюбленная* сердце Мокси отозвалось глухой болью.

Неужели он никогда не разлюбит Кэрол? Как может мужчина – целых двадцать лет с момента последней встречи со своей возлюбленной – носить в себе это чувство?

Хэрроуз – так звалось местечко, где Кэрол вышла замуж за этого Дуайта Эверса, и новость о ее свадьбе едва не разорвала ему грудь. Долгое время Мокси считал, что он благополучно пережил случившееся, что перерос свои воспоминания. Но теперь они вновь нахлынули – так, словно всегда были рядом, под самым его сердцем.

Он сплюнул на землю, едва не попав слюной на ботинок и на бок лошади. Да, Хэрроуз был самой дальней точкой на Большой дороге, и все, связанное с Кэрол, казалось таким далеким, таким недостижимым!

Двадцать лет...

Неужели он видел ее в последний раз целых двадцать лет назад? А интересно, насколько она отличается от того образа, что он все это время носил в своей душе? Глядя на тебя, поглотившие Большую дорогу, Мокси отрицательно покачал головой. Кэрол всегда была чище его, моложе его, умнее его и *лучше*. Как бы ни изменила ее жизнь, пусть даже и в худшую сторону, никогда в его памяти она не утратит своего обаяния. Какова она сейчас? Свободна ли? Счастлива? Или, напротив, удручена? Для Мокси это были не просто слова из некоего романтического лексикона, а утонченные формы тех образов, что он носил в своем сердце, то и дело сжимавшемся от смешанного чувства вины и сожаления, и это чувство вновь и вновь являлось ему из неведомой дали. Каждая черточка в лице Кэрол, каждая складка на той юбке, что она когда-то носила, даже легкая пыль, осевшая на кончике ее туфель, – все кричало о его проступке, его предательстве, совершенном двадцать лет назад, задолго до того, как его имя зазвучало на Большой дороге. Он презрел законы, стал отверженным – потому что нарушил собственные внутренние законы, тот кодекс чести, которым жил когда-то. И он не знал, как эти законы восстановить.

Мокси не отъехал и полумили от Макатуна, а в призрачном полумраке Большой дороги уже едва различимыми стали темные силуэты окружавших дорогу стен растительности. Сама Большая дорога была достаточно широка, чтобы по ней мог проехать экипаж, а иногда и сразу два, но по ее сторо-

нам высоко в небо вздымались густые заросли, вызывавшие у путников приступы клаустрофобии. Да, эти стены пробуждали в душе тревожные воспоминания, а легкое движение в чаще могло серьезно напугать. Но сегодня на Большой дороге было все спокойно. Всегда ли здесь бывает так в рассветные часы, когда солнце стоит еще недостаточно высоко, чтобы высветить – там, в редких прогалинах, где над дорогой не нависают кроны деревьев, – тех, кто пробирается к назначенной цели по ее утопанной пыльной поверхности. Возможно, сейчас, когда он сам стал путешественником, Большая дорога открылась ему в своем истинном обличье.

Мокси вспомнил всех мужчин, которые хотели бок о бок странствовать с ним по Большой дороге после того, как его прославил тот трюк, что он проделал в Абберстоне.

Теперь он знал: та слава и гроша ломаного не стоила.

Его лошадь, шумно, но ровно дыша, упрямо шла вперед. Мокси посмотрел туда, где стены растительности, обступившей Большую дорогу, сходились, поглощая пространство.

Именно на этом участке Большой дороги они с Джефферсоном мчались тогда, пьяные от вина и дурного настроения, в надежде бешеной скачкой погасить его и вновь почувствовать себя хорошо. *Проснись!* – кричал Джефферсон. *Проснись!* – А Мокси, закрыв глаза, вслепую отдался бегу лошади, и комья земли, летящие из-под копыт, били в его лицо. Лошади, казалось, выбивают из самих недр земли раскаты грома, но настоящая гроза накрыла Большую дорогу

к ночи, и они с Джефферсоном, укрывшись на единственном сухом пятачке под раскидистым дубом, вынуждены были, как неизбежность, пережить волну ненастья.

Проснись!

Свобода, которая не стоит и выеденного яйца. Нет, без правил жить невозможно!

Воспоминания жгли сердце Мокси. Как ясно он все увидел? Кого он в конечном итоге обманул?

Только не Кэрл.

Великой и тяжелой была его вина.

Что-то большое зашевелилось в зарослях справа от Мокси, но выдавший виды человек не станет зря суетиться, а лишь слегка скосит глаза из-под полей шляпы, чтобы отличить двуногого зверя от четвероногого. И, хотя Мокси давно оставил лихую жизнь, он помнил уроки Большой дороги.

Человек, – подумал он. – Грабитель.

Но среди неясных теней материализовался силуэт оленя. Неужели он, Мокси, потерял нюх?

Именно по этому отрезку Большой дороги девять лет назад он двигался к Макатуну, навсегда покончив с жизнью отщепенца. Название городка не значило для него ровным счетом ничего – мирное местечко, вдали от городов, где имя его стало легендой. Тогда ему было всего тридцать лет, а впереди простирались необъятные просторы жизни, которую он посвятит своему саду, книгам из своей библиотеки и трем своим стареющим лошадям, так нуждающимся в его заботе.

Заслуженное уединение. Но заслужил ли он его?

Кэрол! – неожиданно вспомнил он.

И почти физически ощутил, насколько далеко он от Хэрроуза, городка, где ждет помощи его давняя возлюбленная.

Те скучные слова, что принесла с собой телеграмма от Фэрры Дэрроу, вызвали в его душе целый водопад воспоминаний, полный деталей, заставлявших сердце отчаянно биться. Душа его была полна Кэрол, но мысли о ней, словно искра, разожгли в душе Мокси костер иных воспоминаний – о долгих годах одиночества, когда он дышал воздухом Большой дороги. Теперь он хотел выбросить ее из памяти, несмотря на славу, что она ему принесла. Воспоминания о той жизни жгли его сердце, едва не сводя с ума. Были ли те годы потеряны зря? Именно здесь он изведal славу, а буквы его имени стали мифом, раем и адом этих лесов, этих просторов, всей этой земли. Но в славе крылось и издевательство, насмешка, сводившая его с ума.

Вот оно, проклятие Большой дороги! Мужчина, в чьем сердце царит вечный непокой, неизбежно попадет в ее волшебные невидимые силки.

Да, это двухдневное путешествие убьет его.

Движение слева в кустах. Мокси неторопливо повернулся.

Мокси как никто другой знал легенды Большой дороги. По мере того как годы стекали по крутым склонам здешних холмов, какие-то из сказок становились былью. Леденящие кровь истории, осеняющие Большую дорогу мрачной тенью.

Тенью иссиня-черной, слепящей и непроницаемой.

Некоторые из историй говорили кое о чем похуже грабежа и убийства.

Эти истории окутывали Большую дорогу наподобие плаща. В них крылся неизбывный, режущий на части ужас. Они подавляли рассудок, делая людей жертвой безумия.

Вновь движение. Мокси взгляделся в шевелящиеся кусты. Там, повернувшись лицом к Большой дороге, стоял человек.

Мокси придержал лошадь.

Правая рука его автоматически скользнула к кобуре. На Большой дороге это обычное дело – при виде незнакомца выхватывать оружие. Мокси и сам поступал так несчетное количество раз. В одиночку с добрыми намерениями по Большой дороге не ходят, а человек, который виднелся в густых придорожных зарослях, явно прятался.

Выхватить оружие первым – это мудрый поступок, избавлявший от многих неприятностей.

Не медли! – говаривал Джефферсон. – *Даже если ты не уверен, что там кто-то есть.*

Но Мокси не тронул оружия.

Когда он поравнялся с опасным местом, то обнаружил, что насторожившая его неясная тень – это всего-навсего утолщение древесного ствола. Дерево посмеялось над ним, только и всего.

Слегка щелкнув по крупу лошади хлыстом, Мокси послал

ее вперед. Герой Большой дороги, прославившийся дуэлью в Абберстоне, продолжил путь.

Нет, это не человек, – подумал Мокси.

Но тень, оставшаяся за его спиной... тень, оставшаяся за его спиной, рассмеялась. Тихо-тихо, так, что Мокси не услышал смеха.

Мокси почти скрылся в густой тени, закрывающей Большую дорогу. Тень же выскользнула из-за дерева и последовала за ним. Оказалось, что у нее тоже есть тень, и та стекала на дорогу – неясный силуэт, вторая сущность первой тени, более темная.

Но у первой были некие черты, явленные как некая градация черноты: губы, увидеть которые могла лишь летучая мышь, чуть заметные складки одежды, колыхавшиеся даже в отсутствие ветра.

Тень вновь рассмеялась, и зашелестели листья березы, и дрогнула кора ближайшего дерева. Отзвуки смеха прошли по кустам и деревьям, обнимавшим Большую дорогу.

Мокси насторожился. Насторожилась и его лошадь.

Ты заметил меня, – прошептала тень. – Может быть, даже узнал. Однажды мы с тобой вместе пили виски в Портсмуте. Сколько времени тебе потребуется, чтобы признать, что мы знакомы? Думаю, немного.

Мокси, уловив шепот в колыханиях ветра, слегка натянул поводья. Склонил голову, прислушиваясь.

– Довезешь меня до Хэрроуз, – сказал он лошади, – от-

дохнешь в тепле и уюте.

Существовали карты, на которых были отмечены границы этого леса. Картами торговали маленькие магазинчики сувениров, карты висели на дорожных тумбах у выезда из местных городков, карта располагалась на стене, за которой в своем глубоком кресле сидел шериф Опал и пока не думал ни о Мокси, ни о Кэрол Эверс. Желтоватая бумага, подобная радужной оболочке птичьего глаза, фотография, запечатлевшая момент вечности. Но не было на этих картах живого опыта жизни на Большой дороге. Жизнь больше, необъятнее, чем любая карта – пространство, не поддающееся измерению.

И сколько же тайн, сколько... сколько обмана таило в себе это пространство!

И вновь зазвучал смех – серебряный колокольчик, проникающий в самые глубины памяти.

Мокси неторопливо ехал, прислушиваясь. Его красная рубашка кровавым пятном горела на темных губах Большой дороги.

Деревья впереди наконец разошлись, и скудные лучи солнца упали на дорогу. Оказалось, уже наступил день.

Мокси вспомнил ночь двадцатилетней давности, таверну в Портсмуте, мокрую барную стойку и незнакомца, который неожиданно вырос рядом.

– Это любовь, – пьяным голосом говорил Мокси, обратившись к незнакомцу, которому даже имени своего не назвал. –

Нет... это даже больше, больше, чем любовь.

И черт лица этого типа Мокси не запомнил. Должно быть, изрядно перебрал.

– Тогда брось ее.

Голос острый, как бритва цирюльника.

Мокси, влюбленный первый раз в жизни, обернулся к расплывающейся в воздухе таверны фигуре.

– Бросить? Что ты имеешь в виду?

– Очень многое, – ответил незнакомец. – Гораздо больше, чем мы успели бы обсудить.

– Прошу тебя, скажи, что ты имеешь в виду.

Мокси нужно было знать. Он хотел принять решение.

И тогда незнакомец сказал нечто, что Мокси никогда не забудет – какие бы новые и свежие воспоминания ни наложились на эти слова.

– Ты уже все решил.

Мокси обязан был что-то ответить. Возмутиться, опровергнуть. Но уже тогда он знал, что незнакомец прав.

– Ты знаешь, что у меня в башке? – спросил он.

Незнакомец рассмеялся. И воздух задрожал от его смеха – точно так, как он дрожал над Большой дорогой двадцать лет спустя.

– Кэрл, – произнес незнакомец. – Слышишь, что я сказал? Я повторяю вновь: **Кэрл**. И что ты чувствуешь? Только не думай. Скажи, что первым делом приходит тебе на ум.

Мокси, обескураженный такой прямоотой, тупо уставился

на бутылки, стоящие за барной стойкой.

– Ты не можешь ее любить, Мокси. Ни одному мужчине это не дано. Эта женщина требует слишком многого.

Слова тяжело падали на барную стойку.

– Это не ее вина, – сказал Мокси.

– Согласен.

– Не ее...

– Когда в твоей башке наступает просветление, слово «вина» для тебя – пустой звук. Но Кэрол именно такова. И такой она пребудет всегда – для тебя.

Мокси поднял глаза на бармена.

– Закажи еще, – сказал незнакомец. – Закажи парочку.

И Мокси заказал.

Стаканы появились почти моментально, и Мокси не торопясь подвинул один из них незнакомцу. Поднял свой стакан, и тотчас же морщинистая рука незнакомца повторила его жест.

– Ну что ж, – произнес он, – твое здоровье!

А вокруг них, по всей таверне, звучали громкие голоса, женщины кудхтали, донышки стаканов ударялись о деревянную поверхность столов.

Стакан Мокси соприкоснулся со стаканом незнакомца, на мгновение дым рассеялся, и Мокси увидел его лицо.

Горло его перехватило.

– Кто ты?

Мокси, имя которого тогда еще не стало легендой, был не

на шутку напуган.

Незнакомец рассмеялся. Смех, казалось, доносился из каждой кабинки, где сидели местные выпивохи, из каждого угла таверны.

– Пей. Пей, и я все тебе покажу.

Мокси закрыл глаза. Виски огненным потоком пролилось в его горло, обожгло грудь. Когда он открыл глаза, лицо незнакомца придвинулось на расстояние вытянутой руки.

– Я – желание, которое ты прячешь в самых глубинах своего сердца. Грешное желание навсегда покинуть ту, которую любишь. Я – неизбывные муки твоей души. Я – конец всему на свете, предел всего и вся, предел, у которого все надежды на возрождение становятся кормом для свиней.

Дверь таверны распахнулась и впустила еще одного посетителя, и в этот краткий миг Мокси увидел плотные струи дождя, льющиеся с черного неба.

Едва шевеля языком, он заговорил:

– Я тебя не понимаю.

В угловой кабинке со звоном разбился стакан; Мокси посмотрел в ту сторону, а когда вновь повернулся к незнакомцу, лицо того оказалось на расстоянии ладони.

– Я прихожу туда, где все рушится.

Губы незнакомца не шевелились. Мокси пытался убедить себя в том, что таково действие виски. Но, несмотря на то что лицо незнакомца было от него всего в двух десятках сантиметров, он ничего не мог в нем прочесть. Словно у этого

человека было одновременно несколько лиц.

– Я – незнакомец на чужих похоронах. Я тот, кого скорбящие называют посторонним.

У Мокси плыло в глазах. Незнакомец не отводил взгляда.

– Меня зовут Гнилл, Джеймс Мокси. Я – то мгновение, в которое ты решил оставить свою любимую. Я – шаг по ту сторону чувства вины. Ты сделал этот шаг, когда душа твоя почернела. Почернела и покрылась плесенью.

Взрыв смеха прокатился по таверне.

Открылась дверь, и в таверну, сопровождаемый порывом холодного ветра, вошел еще один завсегдатай, под руку с хрупкой женщиной.

Мокси тяжело дышал. Взглянуть в лицо незнакомца не было сил.

– Я не смог бы существовать, если бы не было смерти.

И вновь незнакомец рассмеялся, а навстречу раскатам его смеха раздался смех из каждой кабинки, из каждого угла таверны. Даже бармен не остался в стороне от общего веселья. Но лицо незнакомца не выражало ничего. Портрет маслом – тревожный и пугающий; мимо таких вот портретов, висящих в гостиной на втором этаже, дети норовят прошмыгнуть как можно скорее.

За спиной незнакомца выросло серое облако – облако пара, вырвавшееся из смеющихся ртов.

Неожиданно Мокси почувствовал себя совсем молодым. Даже слишком молодым. Сколько лет было незнакомцу? Это

правда: Мокси явился в Портсмут, чтобы как можно дальше спрятаться от Кэрол, от ее болезни. Это слишком сильно пугало его: регулярность, с которой она впадала в кому, ее сон, напоминавший саму смерть, когда не ощущаешь ни пульса, ни биения сердца, ни дыхания. А этот незнакомец знал, чем живет его душа. Этот... Гнилл. Голова Мокси шла кругом. А может, и его любовь к Кэрол уже умерла? И гниет? Этот тип... Откуда? Как?..

– Ты – чудовище, – сказал он.

И сам поверил в то, что сказал.

– Джеймс Мокси, – произнес незнакомец, и губы его наконец зашевелились. – Что за гнусные вещи ты говоришь!

Стены и потолок таверны плыли в глазах Мокси, но он запомнил слова Гнилла, которые тот произнес в качестве очередного тоста.

– Я не большее чудовище, чем лиса, забравшаяся в курятник, с пастью, красной от птичьей крови, с лапами, мокрыми от содержимого разбитых яиц и от внутренностей растоптанных цыплят, еще не успевших увидеть белый свет. Я не большее чудовище, чем фермер, который ловит лису, хватая ее за горло и, прижав к стволу дуба, топором рассекает пасть, что лишила его кур, цыплят и яиц. И я не большее чудовище, чем икота, которая сотрясает грудь фермера, когда тот, подняв с пола погребя ящик, хочет вытащить его по лестнице вверх, чтобы свалить туда трупкидохлых кур. И, конечно же, я не большее чудовище, чем вода, собравшаяся

у основания той лестницы, с которой грохнулся фермер – с физиономией, искаженной ненавистью, болью и искренним удивлением. По правде говоря, я больше напоминаю вдову этого самого фермера, которая найдет его труп под лестницей и уберет весь этот хлам. Видишь ли, на Большой дороге встречается кое-что и похуже, чем мужчины и женщины, которые воруют, грабят и убивают. И это худшее – я.

Эти слова всплыли, пульсируя, в памяти Мокси. Да, десять прошедших лет не смогли стереть их из воспоминаний. Как же велика власть Большой дороги!

– Хэрроуз, – сказал он.

Именно в Портсмуте он решил оставить Кэрол.

Оставить, – подумал он, и слово явилось к нему во всей своей силе, но лишенным цвета. Сердце его было смущено. И ему не было необходимости доказывать свою вину.

Мокси, легко похлопывая по крупу лошадь, продолжал движение. Неясный силуэт следовал за ним. И вскоре, когда солнце поднялось, а его лучи принялись играть с пространством Большой дороги, этот силуэт слился с собственной тенью Джеймса Мокси.

Лафайетт инструктирует Дуайта

Дуайт стоял у окна гостиной и смотрел, как последние из гостей, пришедших разделить его скорбь, идут к своим экипажам и неторопливо отправляются по домам. День только начинался, но небо было серым. Похоже, собирается дождь. А может быть, это просто иллюзия, некий остаточный эффект, созданный обилием черных и серых одеяний гостей, которые теперь шли рука об руку, обнимая друг друга за плечи, причастившись смерти и испытав ее близость, ломающую все стены, разделяющие нас в обыденной жизни.

Супружеские пары по ступенькам поднимались в свои экипажи, и Дуайт слышал их приглушенные голоса, обращенные к возницам.

– Домой...

– В город...

Ощущение было такое, что Кэрол уже предана земле, и эта мысль наполнила душу Дуайта радостью: траурный прием удался.

Есть надежда, что и сами похороны пройдут без сучка без задоринки.

Экипажи один за другим отъезжали, поднимая облачка пыли, и в этой пыли Дуайт увидел приближающуюся к дому Лафайетт.

В каждом городке на Большой дороге найдется благоде-

тель, всегда готовый помочь вам в любом затруднении. В богатом Хэрроузе таким человеком была Лафайетт.

Стук в дверь. Лафайетт, облаченная во вчерашнее платье, обладала достаточным опытом, чтобы постучать почти неслышно. Она все делала быстро, но без излишней спешки. И Дуайт не сразу отреагировал на ее стук, поджидая, пока последние гости скроются из виду, – некая игра, целью которой было показать, кто здесь диктует условия.

Наконец, когда отъехал последний экипаж, хозяин открыл дверь. Не говоря ни слова, он провел Лафайетт в кухню, где в раковине лежала использованная посуда, а стол был заставлен лакомствами.

– Я расскажу вам одну историю, – сказала женщина. – Хотите?

Голос Лафайетт показался Дуайту излишне громким.

Когда она говорила, подбородок ее подпрыгивал в такт движениям «хвоста», завязанного на затылке, а слова, казалось, стекали вдоль пуговиц, блестевших на груди ее белой блузы строгого покроя. Лафайетт на пару дюймов возвышалась над Дуайтом, и было в ее росте нечто, что помогало ей в делах, подобных тому, ради которого она явилась в дом Эверсов.

– Пришел как-то ко мне молодой человек, – начала Лафайетт. – Сказал, что всю свою жизнь мечтал качать нефть и зарабатывать бешеные деньги. Связался с нефтяной компанией Моссмена, дырявил с ними землю и дослужился до

большой шишки. Я сказала, мне плевать на его успехи. Парень нервничал и все спрашивал, не может ли нас кто подслушать. Шептал мне на ухо, хотя можно было и не опасаться. А потом заявил, что его семья против того, чтобы он работал на нефтяную компанию – дескать, слишком уж надолго он отлучается. У него были жена и три дочери. Я сказала – хорошая семья. А он ответил, что она была бы еще лучше, если бы не путалась под ногами. Я ему выдала: ты сам выбирал, сам и виноват. И тогда, наклонившись к самому моему уху, он попросил усмирить его семью. Сказал, что хочет от нее избавиться. Я предложила развод, даже назвала подходящего для такого дельца адвоката.

Лафайетт усмехнулась и продолжала:

– А он сказал, что пришел не для того, чтобы все устроить по закону. Ему, мол, все обрыдло. Жена каждый час требует, чтобы он делал то, делал се, и, когда он собирается на работу, закатывает дикие скандалы. Ну что ж, сказала я, это во всех семьях так. Но он не шутил. Сказал, что у него есть деньги, и я предложила ему человечка, которого предлагаю и вам. Парень согласился.

Лафайетт покачала головой и, помолчав, заговорила вновь:

– Не знаю, был ли у него кто на стороне, мне на это наплевать с высокой колокольни, но парень мне заплатил, и я велела ему назавтра идти на работу как обычно, и, когда он вернется, все будет сделано. Парня потрянуло разок, как обыч-

но трясет людей, когда они принимают нелегкие решения, и мы разошлись.

Дуайт напряженно слушал. Лафайетт продолжала:

– Он пришел через неделю. Видно было, что у него внутри все кипит. Я не терплю подобных сцен. Взяла его за ворот рубашки, оттащила подальше от людей и велела взять голову в руки. А он сказал, что, когда заявился домой, то нашел свою жену сожженной; ее обгоревший скелет был положен на газоне перед передним крыльцом так, словно она пыталась выбраться из-под земли. Ну что ж, сказала я, тот человек, которого я нашла, – он художник, настоящий мастер своего дела.

Дуайт с усилием скрывал волнение. Женщина вновь усмехнулась и заговорила:

– Но парень сказал, это было не самое ужасное. Он нашел скелеты своих дочерей, которые были кружком рассажены на крыльце. Черные обгоревшие скелеты. Они сидели и словно бы указывали на кости своей матери, говоря – *а вот и мамуля, вздыхает наш газон*. Парень сказал, что у их черепов отвисли челюсти, словно дети кричали. Вопящие черепушки. Парень реально сбрендил. Говорил, что не имел в виду детей. Я возразила – он говорил о *семье*. Оказывается, я не поняла, и дети не могли бы помешать ему в карьере. Я предложила ему в следующий раз более четко формулировать задачу. Его опять начало трясти, и он сказал, что вокруг костей на крыльце был рассыпан нюхательный табак и все выгляде-

ло так, будто мать хотела взять понюшку, а дети не разрешали. Что за псих все это устроил, спросил парень, пока он был на работе? Разложил косточки его дочек так, словно это подружки расселись на крылечке. Я его спросила: ну и что, у тебя теперь больше времени на твою нефть? И он сказал – да.

– Ваша история меня пугает, – произнес Дуайт.

– Еще бы!

– Я за свои деньги хочу получить только то, что мне нужно.

Покрытое морщинами лицо Лафайетт расплылось в улыбке. Дуайт никогда не обращал внимания на то, насколько глубоко утонули в глазницах ее глаза.

– Кого бы вы ни нанимали, он обязан быть чуть-чуть сумасшедшим, – сказала женщина.

– Но вы говорили, что он калека.

– И что с того?

Дуайт покачал головой.

Но Лафайетт тронула его за плечо:

– Это то, что вам нужно, Эверс.

– Мне нужно, чтобы все было сделано как можно быстрее.

– Мой человек поймает его. Тот даже не успеет добраться до Хэрроуза. Это я гарантирую.

– И каковы мои гарантии?

Лафайетт умехнулась и произнесла:

– Наймите Смока, и он сделает все, что вам нужно.

– Я в этом не уверен.

– Вот как? Может, хотите нанять кого-нибудь еще, чтобы тот проследил за Смоком?

По лицу Дуайта было видно, что он не исключает такой вариант развития событий.

– Эверс, – покачала головой Лафайетт. – Нельзя к моему человеку подходить с обычными мерками.

– Но я плачу!

Улыбка сползла с физиономии Лафайетт.

– Если вы наймете кого-нибудь следить за Смоком, он может начать следить за вами.

– Тогда он не просто сумасшедший. Он гораздо хуже.

– Так и есть. К тому же он уже на месте.

Дуайт быстро повернулся к окну.

– На каком еще месте? – спросил он.

– В Макатуне.

– Еще одно дельце?

Лафайетт согласно кивнула.

Короткий обмен взглядами – и все было решено.

Лафайетт изучала лицо Дуайта.

– А интересно, – наконец произнесла она. – Что такого вам сделал Джеймс Мокси?

Дуайт изобразил удивление.

– Ничего.

– Но вы хотите, чтобы его убили.

Дуайт не хотел говорить Лафайетт, что Мокси знает тайну Кэрол. Подобное признание пошатнуло бы основания разра-

ботанного им плана.

– В чем еще вы дали маху, Эверс? Может быть, мне нужно уносить ноги. Может быть, вы втянули меня в заведомо проигрышное дело?

– Пока ничего не сделал, – уточнил Дуайт.

– Это имеет отношение к вашей жене?

– Нет, – ответил Дуайт. – Никакого отношения.

Лафайетт рассмеялась смехом человека, которому в высшей степени плевать, кто и где прячет свои грехи. Она направилась к двери.

– Итак, за свои деньжата вы хотите получить то, что вам хочется. Отлично!

Но Дуайт не собирался оставлять последнее слово за ней. Как только передняя дверь закрылась за спиной Лафайетт, он прокричал:

– Это – *моя* идея. *Мой* план. Не забывайте, Лафайетт, – это я вас позвал, и я здесь принимаю решения!

Но Лафайетт, которая знала обо всем, кто и где что говорит и пишет, и имела своих людей во всех почтовых отделениях на Большой дороге, была прекрасно осведомлена о телеграмме, которую Фарра Дэроу послала Джеймсу Мокси. Узнав об этом, она сама наняла Смока, чтобы тот пошел за бывшим героем Большой дороги. Легенда? Ее человеку под силу изменить и легенду. Пусть Эверс думает, что *он* здесь принимает решения. И пусть верит, что заново рождается, выйдя из тени собственной жены. Как бы ему не обжечься на

открытом солнце!

Свежая горючка

Когда-то, когда он въезжал в какой-нибудь город, люди бледнели. Мужчины отводили глаза, а женщины поворачивались к нему спиной, словно хотели таким образом стать незаметными. Когда-то домашние собаки в местных городках лаяли на него только издалека. Да, были времена, когда он являлся предметом всеобщего восхищения и источником неизбежного ужаса. Но тогда с ним все было в порядке. Тогда, но не сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.